

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ АТТА ТРОЛЬ

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

АТТА ТРОЛЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

HEINRICH HEINE

ATTA
TROLL

EIN SOMMERNACHTSTRAUM

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

АТТА
ТРОЛЬ

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Издание подготовили
Н. А. ЖИРМУНСКАЯ и П. М. КАРП

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров,
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. Г. АДМОНИ

Генрих Гейне.

Портрет работы Ф. С. Дица. 1842 г.

Генрих Гейне

АТТА ТРОЛЬ

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Оставив шатер белоснежный свой,
Выходит князь мавров на смертный бой;
Так сумрачный месяц плывет порой,
Не прячась за облачной белой грядой.

Фрейлиграт. «Мавританский князь»

Предисловие

«Атта Троль» был написан поздней осенью 1841 года¹ и частично напечатан в «Мире изящного»,² который тогда сызнова принялся редактировать мой друг Генрих Лаубе. Содержанию и слогу поэмы надлежало сообразовываться с прирученностью этого журнала; сперва я сочинил главы, которые можно было печатать, но даже они многократно переправлялись. Я лелеял надежду завершить поэму и опубликовать ее целиком, но этим похвальным намерением дело ограничилось, и «Атта Троль», подобно всем великим немецким творениям, подобно Кёльнскому собору, божеству Шеллинга, прусской конституции³ и т. д., тоже не был завершен. В таком незавершенном виде, самую малость его прибрав и сладив, я и представляю его сегодня публике, повинуюсь необходимости, никак не внутренней.

«Атта Троль», как было сказано, написан поздней осенью 1841 года, в пору, когда еще бушевал великий мятеж,⁴ объединивший против меня недругов всех мастей. Вот это был мятеж! Я никогда не предполагал, что гнилые яблоки произрастают в Германии в таком множестве, в каком они летели тогда мне в голову! Наша родина — земля благословенная; конечно, ни лимоны, ни апельсины на ней не растут, да и лаврам⁵ трудно не захиреть на немецкой почве, но уж гнилых яблок у нас,

по счастью, всегда полным-полно, и все наши великие поэты могли бы об этом порассказать. При мятеже мне надлежало потерять и корону, и голову, но я уберег и то, и другое, а вздорные обвинения, которыми науськивали на меня простонародье, вскоре самым убогим образом выдохлись, так что мне не понадобилось даже снисходить до опровержений. Меня оправдало время, и многое в этом отношении сделали для меня также почтенные немецкие правительства, что я с благодарностью отмечаю. Распоряжения о немедленном задержании, возделенно ожидающие возвращения поэта на каждой станции за немецкой границей, надлежащим образом подтверждаются каждый год, как раз в сочельник, когда на елках искрятся приветливые свеченьки. Столь ненадежные дороги почти отбили у меня охоту⁶ ехать в Германию, я праздную сочельник на чужбине и на чужбине, в изгнании, завершу свои дни. А безупречные борцы за правду и свет, винившие меня в недостатке стойкости и раболепстве, тем временем в полной безопасности передвигаются по родной земле как щедро оплачиваемые государственные служащие, или сановники различных корпораций, или завсегдатаи клуба, в котором они с истинным патриотизмом каждый вечер подкрепляются вином отца нашего Рейна и устрицами окруженной морями Шлезвиг-Голштинии.⁷

Я умышленно указываю, в какое именно время написан «Атта Троль». Тогда процветала так называемая политическая поэзия. Оппозиция, как подметил Руге,⁸ продала свою шкуру и подалась в поэзию. Музам было строго предписано не ветренничать и не бить баклуши, а служить родине, то ли став маркитантками свободы, то ли принявшись за стирку грязного белья христианско-германской нации. В отечествен-

ной дубраве бардов⁹ витал тот неопределенный и бесплодный пафос, тот никчемный и туманный энтузиазм, который, очертя голову, бросается в океан общих мест и всегда напоминает мне американского матроса, столь бурно поклонявшегося генералу Джексону,¹⁰ что однажды, взобравшись на мачту, он бросился в море с возгласом: «Я умираю за генерала Джексона!». И хоть у нас, немцев, не было еще флота,¹¹ не счесть у нас было вдохновенных матросов, умиравших за генерала Джексона в стихах и в прозе. Иметь талант было в ту пору весьма рискованно, это давало повод заподозрить в бесхарактерности. Ревнивая импотентность обнаружила наконец после тысячелетних поисков мощное оружие против беспашности гения; она изобрела противоположность таланта и характера.¹² Толпе было весьма лестно услышать, что хоть честные люди, как правило, конечно, довольно плохие музыканты,¹³ но хорошие музыканты обыкновенно не такие уж честные люди, хотя важнее всего на свете честность, а вовсе не музыка. Пустая голова по праву кичилась теперь переполненным сердцем, и козырем стали убеждения. Я помню одного тогдашнего писателя, особенно гордившегося тем, что он не умеет писать;¹⁴ за свой дубовый стиль он удостоился почетного серебряного кубка.

Клянусь вечными богами, в ту пору неотъемлемые права духа, и особенно поэзии, нуждались в защите. А так как их защита — важнейшее дело всей моей жизни, я не стал отступаться от него и в этой поэме, и тон ее, и сюжет — протест против плебисцитов, проводящихся нынешними трибунами. Да и впрямь уже первые появившиеся в печати куски «Атта Троля» вызвали раздражение у моих принципиальных героев, моих римлян, винивших меня не

в одной лишь литературной, но и в общественной реакционности и даже в надругательстве над священнейшими идеалами человечества. Что до эстетических достоинств моей поэмы, то я и тогда их не защищал, и теперь не защищаю; я писал ее для собственного удовольствия и потому в своенравно-фантастической манере той романтической школы, в которой я провел лучшие годы молодости, а напоследок избил учителя.¹⁵ В этом отношении моя поэма, быть может, и нехороша. Но ты лжешь, Брут, и ты лжешь, Кассий, и ты, Азиний, тоже лжешь,¹⁶ заявляя, что я выпучиваю идеи, которые составляют драгоценнейшее достояние человечества и за которые я сам так часто сражался и страдал. Нет, именно потому, что эти идеи неизменно предстают поэту в прекрасной чистоте и величии, неукротимый хохот охватывает его, когда он видит, как бестолково, грубо и пошло понимают их узколобые современники. И он высмеивает напыленную на них медвежью шкуру. Есть до того кривые зеркала, что сам Аполлон выглядит в них нелепо и вызывает смех. Но смеемся мы над карикатурой, а не над богом.

Еще два слова. Надо ли особо оговаривать, что пародия на стихи Фрейлиграта,¹⁷ порой шаловливо высывающаяся из «Атта Троля» и образующая его комическую подоплеку, ни в какой мере не ставит себе целью опорочить этого поэта. Я высоко его ценю, особенно теперь, и считаю его одним из самых замечательных поэтов, появившихся в Германии со времен Июльской революции. Первый сборник его стихов попался мне на глаза поздно, как раз тогда, когда писался «Атта Троль». Должно быть, тогдашнее мое душевное состояние причина тому, что «Мавританский князь» меня позабавил. Впрочем, это произведе-

дение считается весьма удачным. Для читателей, его не знающих, — а такие могут сыскаться в Китае и в Японии, даже на Нигере и на Сенегале, — сообщу, что у мавританского вождя, в начале стихотворения выступающего из своего белого шатра подобно затемненной луне, есть того же цвета возлюбленная, на черный лик которой склоняются белые страусовые перья. Но воинственный вождь ее покидает, ввязывается в негритянское сражение, где гремит барабан, увешанный черепами, — и там, увы, находит свое черное Ватерлоо, а победители продают его белым. Эти тащат благородного африканца в Европу, и здесь мы находим его в труппе странствующего конного цирка; ему поручено бить во время представления в турецкий барабан. Угрюмый и важный, стоит он у входа в манеж и барабанит, размышляя тем временем о прежнем своем величии, размышляя о том, как некогда на дальнем, дальнем Нигере он был абсолютным самодержцем и охотился на львов и на тигров. . .

Слез не стыдись, не жалея сил,
Он бил в барабан и шкуру пробил.

Писано в Париже в декабре 1846 года.

Генрих Гейне.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

За утрюмыми горами,
Достающими до неба,
Убаюканное шумом
4 Одичавших водопадов

Безмятежно спит в долине
Котере. Кругом домишки
Белые, а на балконах
8 Дамы весело смеются.

И смеясь взирают сверху
Вниз, на рыночную площадь,
Где медведица с медведем
12 Под волынку в пляс пустились.

Это Атта Троль с супругой,
Черной Муммой, здесь танцуют,
И восторга не скрывая,
16 Упиваются басконки.

Атта Троль, что гранд испанский,
Церемонно-благороден,
Но жене его мохнатой
20 Не хватает чувства меры.

Не канкан ли это, право,
Начинает мне казаться, —
Так она виляет задом,
24 Что и Grand'-Chaumière припомнишь.

Но почтеннейший вожатый,
На цепи ее держащий,
Обратил уже вниманье
28 На безнравственную пляску.

Он развязную плясунью
По спине кнутом протянет,
И стенанья черной Муммы
32 В скалах повторяет эхо.

Этот доблестный вожатый
Шесть мадонн приладил к шляпе,
Чтобы голову от пули
36 И от вшей они хранили.

Прикрывая плечи пестрой
Напрестольной пеленой,
Он под ней, как под плащом,
40 Прячет нож и пистолеты.

Смолоду он был монахом,
Стал разбойным атаманом,
Совместил свои занятия
44 У дон Карлоса на службе.

А когда удрал дон Карлос
Вместе с рыцарством преславным,
Паладины большей частью
48 Принялись трудиться честно.

(Стал писателем Наглянский),
Ну а наш заступник веры
Атта Троля взял и Мумму
52 И медвежьим стал вожатым.

У него они танцуют
На базарах для народа,
И на рынке в Котере
56 Пляшет Атта Троль в цепях.

Атта Троль, в былые годы —
Обитавший на высотах
Гордый властелин дубравы,
60 Нынче пляшет перед сбродом.

Нужно ради подлых денег
Танцевать тому, кто прежде,
Наводя повсюду ужас,
64 Ощущал свое величье.

И когда он вспомнит юность
И былую власть над лесом,
Скорбные, глухие звуки
68 Вырываются из сердца.

Мрачен он, как Фрейлигратов
Черный мавританский князь,
Тот был скверный барабанщик,
72 Этот столь же скверно пляшет,

Вызывая лишь насмешки
Вместо жалости. Жюльетта
Смотрит сверху и смеется
76 Над безрадостным скаканьем.

Как французенке, душевность
Ведь не свойственна Жюльетте.
Все тут внешнее, но внешность
80 Восхищает и чарует.

И в ее лучистых взорах,
Точно в неводе блестящем,
Наше сердце, как рыбешка,
84 Путается и трепещет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мавританец Фрейлиграта
Колотил в свой барабан
Так настойчиво и пылко,
88 Что рвалась на части шкура.

Барабанный бой бабахал
В перепонках барабанных, —
А теперь вообразите
92 Сбросившего цепь медведя.

Музыка и гоготанье
Разом смолкли. Завопив,
Ринулся народ с базара,
96 И у дам пропал румянец.

Так нежданно-нежданно
Разорвал оковы рабства
Атта Троль. Помчал вприпрыжку
100 Он по тесным переулкам, —

Все учтиво сторонились, —
И забравшись ввысь, на скалы,
Бросил книзу взор глумливый
104 И пропал среди камней.

На базаре опустевшем
Оставались только Мумма
И вожатый. Он взъярился
108 И, на землю бросив шляпу,

Принялся топтать ногами
Шестерых мадонн, и полог
С тела пакостного скинул,
112 И все клял неблагодарность,

Черную неблагодарность!
Он-то ведь как с лучшим другом
Обходился с Атта Тролем,
116 Танцевать учил медведя!

Тот кругом ему обязан!
Даже жизнью! Не польстился
Сотней талеров разжиться
120 Он за шкуру Атта Троля!

На несчастной черной Мумме,
Что в отчаянье стояла
Между тем на задних лапах,
124 Умоляя о пощаде,

Злость он выместил, беднягу
Избивая, обзывая
Королевою Кристиной,
128 Доньей Муньос, потаскухой.

Это все происходило
В превосходный летний день,
И сменив его любовно,
132 Ночь была еще прелестней.

Простоял я половину
Этой ночи на балконе,
А Жюльетта, стоя рядом,
136 Все разглядывала звезды.

«Ах, — она вздыхала, — звезды —
Наилучшие в Париже.
Свет их зимними ночами
140 Там сверкает в каждой луже».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сновиденье летней ночи, —
Песнь моя не знает цели,
Как любовь, как жизнь людская,
144 Как творец с его твореньем.

Вольной прихоти покорный,
Мчит галопом и взлетает,
Устремляясь в царство сказок,
148 Ненаглядный мой Пегас.

Ты не ломовая лошадь
Добродетели мещанской,
Не скакун партийных стычек,
152 Ржущий, топоча копытом.

У тебя, мой конь крылатый,
Золоченые подковы

И жемчужные поводья.
156 Я поводья отпускаю, —

Ты лети, куда желаешь,
По воздушным горным тропам,
Где грохочут водопады,
160 Бездны бредней предвещая,

Ты лети к долинам тихим,
Ты лети к дубам премудрым,
Под сплетенными корнями
164 Там журчит родник быллин.

Дай напиться мне и дай мне
Оросить глаза, — я жажду
Обрести живую воду,
168 В ней прозренья, в ней познание.

Слепота прошла! Я вижу
В самой глубине теснины
Логовище Атта Троля, —
172 Речь его вполне понятна.

Чудеса! Знаком отлично
Мне язык его медвежий!
Не в любимой ли отчизне
176 Я внимал подобным звукам?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ронсеваль, долина славы!
Стоит про тебя услышать,
Сызнова благоухает
180 В сердце голубой цветок.

Сбросив сон тысячелетний,
Возвращаются виденья
И горящими глазами
184 Смотрят, повергая в трепет.

Звон. Бряцанье. Битва франков
С полчищами сарацинов.
Весь в крови, вконец отчаясь,
188 В рог трубит Роланд бесстрашный.

В той долине Ронсевальской,
У Роландовой зарубки, —
Именуемой так, ибо,
192 Путь прокладывая франкам,

Храбрый рыцарь по утесу
Благородным Дюрандалем
Так хватил, что и поныне
196 Виден след его удара, —

Там, где мрачное ущелье
Диким ельником одето,
От чужого взора спрятал
200 Атта Троль свою берлогу.

Там, в кругу своих домашних,
Отдохнуть теперь он может
От превратностей побега
204 И хлопот актерской жизни.

Сладкое свиданье! Детки
В старом логовище целы!
Здесь их с Муммой зачинали,
208 Четырех сынов, двух дочек.

Медве-девицы — блондинки,
Точно их отцом был пастор,
Сыновья — патены. Черный
212 Только младший, одноухий.

Он особенно был дорог
Матери. Сдержать не в силах
Чувств родительских, сыночку
216 Маменька отгрызла ухо.

Этот парень — воплощенье
Гениальности гимнаста.
Он умеет кувыряться,
220 Точно вождь гимнастов Масман.

Он воспитан в духе предков,
Обожает речь родную
И не стал зубрить жаргоны
224 Древних эллинов и римлян.

Сильный, стойкий, смирный, смелый,
Не выносит парень мыла —
Шика современных ванн,
228 Точно вождь гимнастов Масман.

Но всего он гениальней
Залезает на деревья,
Из глубокого ущелья
232 Тянущиеся вдоль кручи,

И восходит на вершину,
Где обычно все родные
Собираются под вечер
236 Поболтать с отцом семейства.

А старик не прочь поведать
Обо всем, что с ним случилось,
Где бывал, кого увидел
240 И какие вынес беды.

С благородным Лаэртидом
Только тем они различны,
Что медведь ходил по свету
244 Вместе с черной Пенелопой.

Атта Троль оповещает
Все семейство об успехе
Грандиозном, что снискал он
248 У людей как мастер танца.

Уверяет, что на рынках
Стар и млад режут ликуя,
Коль идет он в пляс под звуки
252 Обольстительной волюнки.

В этом первенствуют дамы,
Умудренные созданья,
Бурно бьют они в ладоши,
256 Томный взор ему бросают.

Есть в артистах фатоватость
Ухмыляется медведь,
Вспомнив, как он представлял
260 Публике свои таланты.

Упиваясь прежней славой,
Подтвердить готов он делом,
Что не хвалится нисколько,
264 А и впрямь танцовщик знатный.

И на задние он лапы
Подымается внезапно
И, как некогда, танцует
268 Свой гавот — коронный номер.

Ошарашенные, молча,
Смотрят юные медведи
На отцовское скаканье,
272 Дивное в сиянье лунном.

ГЛАВА ПЯТАЯ

С горечью в душе зарылся
Атта Троль в свою берлогу
И, посасывая лапу,
276 Размышляет и бормочет:

«Мумма, Мумма, черный жемчуг,
Я тебя в житейском море
Выудил, — в житейском море
280 Ты пропала безвозвратно.

Не видать тебя мне больше,
Разве что в загробном мире,
Где, отринув шерсть земную,
284 Самый дух твой просветлеет.

Ах, мне прежде бы хотелось
Морду милой коть разочек
Полизать — она сладка,
288 Словно медом кто обмазал.

Мне хотелось бы почуять
Снова запах первозданный,

Исходящий от любимой, —
292 Нежный, словно запах розы.

Но, увы, в оковах Мумма
У ничтожной, низкой твари,
Что, назвавшись человеком,
296 Мнит себя царем природы.

Смерть и дьявол! Человеки —
Это свержаристократы.
На звериную державу
300 Свысока они взирают,

Мучат нас, в оковах держат,
Жен крадут, детей воруют,
Умерщвляют нас и наши
304 Шкуры продают и трупы.

И уверены при этом
В том, что быть несправедливым,
А особенно к медведям,
308 Это право человека.

Это право человека!
Кто вручил вам это право?
Естество не порождает
312 Неестественность такую.

Кто же мог присвоить людям
Эту прорву привилегий?
Полагаю, что не разум
316 Был настолько неразумен.

Может быть, вы, люди, лучше
Всех нас прочих тем, что пищу

Стали вы варить и жарить,
320 Мы же так и жрем сырое?

Но ведь результат конечный
Одинаков. Благородна
Не кормежка. Благороден
324 Тот, чьи благородны чувства.

Или тем вы, люди, лучше,
Что в искусстве и в науках
Вы всегда преуспевали?
328 Но и мы не лыком шиты.

Разве нет собак ученых?
Лошадей, считать гораздых,
Как банкиры? Разве заяц
332 Не примерный барабанщик?

Может быть, не отличились
В гидростатике бобры?
И не аиста заслуга
336 Появление клистира?

А ослы не рецензенты?
Обезьяны не актрисы?
Где отыщется мимистка
340 Даровитее мартышки?

Соловьи не вокалисты?
Фрейлиграт не песнопевец?
Кто воспел бы льва искусней,
344 Чем земляк его, верблюдо?

Я в балете не слабее,
Чем в литературе Раумер.

Лучше ли его писанья,
348 Чем мои медвежьи пляски?

Или лучше всех вы прочих
Тем, что высоко задрали
Головы? Но в головах-то
352 Бродят низменные мысли.

Или, может быть, вы лучше
Всех нас прочих тем, что шкура
Гладкая у вас? Но это
356 Свойственно еще и змеям.

Род людской, род змей двуногих,
Вот зачем вы все надели
Брюки! Чтобы шерсть чужая
360 Голую змею прикрыла!

Дети, помните, опасны
Безволосые прохвосты!
Дочери, не доверяйте
364 Никому, кто носит брюки!».

Я рассказывать не стану,
Как еще медведь развязный,
Тешась равенством фальшивым,
368 Человечество порочил.

Да и сам в конце концов я —
Человек и не желаю
Вторить рассказням нелепым,
372 Где меня же и поносят.

Человек я и тем самым
Лучше прочей всей скотины;

Умалять я не намерен
376 Значимость происхождения.

И со всей скотиной прочей
Поведу я беззаветный
Справедливый и священный
380 Бой за право человека.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Впрочем, было бы невредно,
Если б человек, как высший
Средь скотов, хоть раз послушал,
384 Что в низах за разговоры.

Да, внизу, в глубоких недрах
Общества, в угрюмых сферах,
Среди самых жалких тварей
388 Дышат горе, гордость, злоба.

Все, что нам дано от века,
Все, что нам велит обычай,
Все, что берегут законы, —
392 Отвергают с наглым рылом.

Там отцы внушают детям
Лженаучные доктрины,
Норовящие культуру
396 И гуманность уничтожить.

«Дети, — воеет Атта Троль,
Шумно ерзая на ложе,
Не застеленном коврами, —
400 Дети! Нам владеть грядущим!

Если бы любой медведь,
Если б всякий зверь так думал,
Силой нашего единства
404 Мы низвергли бы тирана.

Если б конь контакт наладил
С диким вепрем, если б хобот
Слон решился свить по-братски
408 С рогом честного быка,

Выступай медведь, козел,
Обезьяна, волк и заяц
Хоть на миг единым фронтом,
412 Не уйдет от нас победа.

Единенье! Единенье!
В нем опора. В одиночку
Мы — рабы. Объединившись,
416 Мы сильнее всех тиранов.

Единенье! Единенье!
Положив конец господству
Монополии, построим
420 Справедливый мир зверей!

Станет основным законом
Равенство созданий божьих,
Будь у них любая вера,
424 Или шкура, или запах.

Всюду равенство! Осел
Сможет государством править.
А на мельницу с мешками
428 Льву не худо бы побегать.

В отношении собаки
Дело в том, что страсть к холуйству
В ней воспитывали люди,
432 Обходясь с ней, как с собакой.

Но она, вкусив свободу,
Наделенная былыми
Нерушимыми правами,
436 Живо станет благородной.

Сверх того, у нас евреи
Обретут права гражданства,
Наш закон дает им то же,
440 Что и всем другим животным.

Только танцы на базарах
Запрещаются евреям.
Сделать эту оговорку
444 Нужно из любви к искусству.

К сожаленью, чувство стиля,
Грация движений чужды
Этой расе, — бедный зритель
448 Из-за них калечит вкус».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

У своих в берлоге мрачной
Скрылся враг людского рода
Атта Троль, рычащий злобно
452 И скрежещущий зубами:

«Люди, наглос отребье,
Уж недолго вам смеяться!

Нас от гнета и насмешек
456 День торжественный избавит.

Мне всего противней в людях
Эти складки возле пасти.
На слащавую улыбку
460 Не могу смотреть спокойно.

И едва на белой роже
Появляется гримаса,
У меня от раздраженья
464 Потроха и то трясутся.

Понахальней, чем их речи,
Эта вечная усмешка,
В ней как раз и вылезает
468 Человечья беспардонность.

Все смешки! Смеются даже
Там, где полную серьезность
Сохранять бы надлежало —
472 На любовном торжестве.

Все смешки! Они смеются,
Даже танцу предаваясь,
Оскверняя тем искусство,
476 Призванное быть святыней.

Да, в былое время танец
Был священным актом веры,
И у алтаря кружились
480 Хороводы духовенства.

Царь Давид пускался в пляс
Перед скинией завета.

- Танец был служеньем богу!
484 Танец был молитвой ног!
- Лишь таким и мыслил танец
Я, танцуя на базарах
Для народа, восхищенно
488 Колотившего в ладоши.
- Мой успех, скрывать не стану,
Мне ласкал и тешил сердце,
Ибо вынудить признание
492 У врага — всегда приятно.
- Но в пылу своих восторгов
Все равно они смеялись.
И само искусство танца
496 Вразумить их не могло».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

- Гражданин весьма почтенный
Зачастую скверно пахнет,
А лакей умеет амброй
500 И лавандой надушиться.
- Целомудренные души
Отдают зеленым мылом,
А распутство источает
504 Запах розового масла.
- И не надо, мой читатель,
Морщить нос, коль не почувял
Ты в берлоге Атта Троля
508 Аравийских ароматов.

Посиди со мной в угрюмой
И зловонной атмосфере,
Где герой родному сыну
512 Точно с облака глаголет:

«Отрок, отпрыск отчих чресел,
Ты единственное ухо
Двинь к родительскому рылу, —
516 Разговор пойдет серьезный!

От людской манеры думать
И душе, и телу порча;
И хоть всех людей обследуй,
520 Не видать людей приличных.

Даже лучшие из лучших,
Сыновья Туискиона,
Немцы, родственники наши,
524 Начинают вырождаться.

Нет в них веры, нет в них бога,
Призывают к атеизму, —
Бдительность необходима
528 С Бауэром и Фейербахом!

Ты не лезь хоть в атеисты!
Не медведь, в ком нет смиренья
Пред всевышним, — ведь всевышний —
532 Основатель мирозданья!

Свет луны, сиянье солнца
И мерцанье звезд небесных
(И хвостатых, и бесхвостых) —
536 Отблеск силы всемогущей.

Твердь земли, пучина моря —
Эхо божьего величья.
Славу господу возносит
540 Каждое его творенье.

Даже вошка в серебристой
Бороде у пилигрима
С ним идет на богомолье
544 И хвалу возносит богу.

Есть вверху, на небе звездном,
Трон золотой, принадлежащий
Повелителю вселенной,
548 То есть белому медведю.

Мантия на нем надета
Белоснежная. Корона
Вся в алмазах, и по небу
552 Разлилось ее сиянье.

Лик его — благообразный
И безмолвный слепок мысли;
Чуть он скипетром помашет,
556 Пенье наполняет сферы.

А в ногах его медвежьи
Праведники, жизнь земную
Претерпевшие покорно,
560 С пальмой мученика в лапах.

Вдруг один из них подскочит,
А другой подпрыгнет следом, —
Снизшел к ним дух господень,
664 И пошел победный тавец —

Танец танцев. Божья милость
В нем нужнее, чем таланты,
И ликующие души
568 Рады выскочить из шкуры!

Недостойный Троль, смогу ли
Благодати приобщиться?
От земных печальных тягот
572 Перейду ли в мир блаженства?

Доведется ль, упиваясь,
Поплясать мне в нимбе, с пальмой,
Наверху, на небе звездном
576 У господнего престола?».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Словно высунул из пасти
Свой язык багрово-красный
Разъяренный Фрейлигратов
580 Черный мавританский князь,

Вылез месяц из-за темных
Облаков. И водопады
Как всегда не дремлют ночью
584 И рокочут раздраженно.

Атта Троль влез на макушку
Одинокого утеса,
В одиночестве над бездной
588 Открывая душу ветру:

«Я — медведь, да, я — медведь,
Тот, кого вы Косолапый,

Изегрим, Ворчун, Топтыгин
592 И бог знает как зовете.

Я — медведь, да, я — медведь,
Да, я — грубая скотина,
Да, я — повод неуклюжий
596 Ваших шуток и улыбок.

Я — мишень для острословов,
Я — страшилище, которым
Ночью вы пугать привыкли
600 Шаловливого ребенка.

Я — потешный персонаж
Бабьих сказок, это я,
Это я кричу сегодня
604 Подлому людскому миру:

Знайте, я — медведь, и этим,
Не стыдись происхожденья,
Горд, как будто я потомок
608 Моисея Мендельсона!».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Двое путников угрюмых,
Опершись на все четыре,
Пробираются сквозь ельник
612 В непроглядной тьме полночной.

Это Атта Троль — родитель
И сынишка — Одноухий.
Темный лес у Камня Крови
616 Поредел. Застыли оба.

«Камень сей, — бормочет Атта, —
Алтарем служил друидам.
Здесь в эпоху суеверий
620 Приносились в жертву люди.

Ужасающая гнусность!
Вспомню, — дыбом на спине
Шерсть встает. Во славу богу
624 Проливали кровь людскую!

Несомненно, просветились
Люди, и теперь друг друга
Не убьют они, радея
628 О небесных интересах.

Не мираж религиозный,
Не экстаз, не одержимость, —
Себялюбие и жадность
632 Побуждают их к убийствам.

Всем охота побыстрее
Обрести земные блага,
При всеобщей потасовке
636 Для себя ворует каждый.

Завладеет единица
Всенародным достояньем, —
Сразу о правах владенья
640 И о собственности скажет!

Собственность! Права владенья!
Это кража! Это вранья!
Смесь нелепости с коварством
644 Только людям и доступна.

Собственников не природа
Создала, — живая тварь
Из утробы материнской
648 Вышла без кармана в шкуре.

Нет ни у кого из нас
На меху, прикрывшем тело,
Прирожденного мешка
652 Для награбленных сокровищ.

Только голый человек,
Обряжаясь в шерсть чужую,
На нее приноровился
656 Нашивать себе карманы.

О, карман! Он всей природе
Чужд, как собственность, как сами
По себе права владенья!
660 Человек и есть карманник!

Ненавижу их и вечно
Завещаю ненавидеть.
Сын, клянись на алтаре
664 Ненавидеть человека,

Быть всегда врагом смертельным
Угнетателю, с ним биться
До последнего дыханья, —
668 Дай мне, дай такую клятву!».

И поклялся тот, как древле
Ганнибал. Луна струила
Жуткий свет на Камень Крови
672 И обож мизантропов.

Мы со временем расскажем,
Как исполнил эту клятву
Юноша. Его позднее
676 Будет славить наша лира.

Да и с Атта Тролем тоже
Подошла пора проститься,
Чтобы тем в него надежней
680 Пулю нам всадить при встрече.

Ты изобличен дознаньем,
Враг народа, оскорбивший
Светлый облик человека!
684 Завтра на тебя облава.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Точно спящим баядеркам,
Холодно горам в рубахах
Из белесого тумана,
688 Заданных рассветным ветром.

Только скоро их разбудит
Лучезарный бог и стащит
С них последнее прикрытье,
692 Озарив красу нагую.

Мы с Ласкаро спозаранку
На охоту за медведем
Закатились и к полудню
695 Добрались до Pont d'Espagne.*

* Испанский мост (франц.).

За мостом расположился
Варварский испанский запад
С населеньем, от французов
700 Лет на тысячу отставшим.

Лет на тысячу отстали
Их культура и порядки,
Мы же, варвары востока,
704 Отстаем всего лет на сто.

Медлил я. Мне не хотелось
Уходить с французской почвы,
Из отечества свободы
708 И с ума сводящих женщин.

Посредине Pont d'Espagne
Восседали бедняк-испанец.
Нищета и в дырах платья,
712 И во взоре проступала.

Он брэнчал костлявым пальцем
На разбитой мандолине.
Звук фальшивил, и в ущелье
716 Эхо вторило глумливо.

Иногда он, улыбаясь,
Наклонялся, глядя в пропасть,
И отчаяннее тренькал,
720 Глухо бормоча слова:

«У меня в глубинах сердца
Золотой поставлен столик,
Золотой поставлен столик,
724 И вокруг четыре стула.

А сидят на стульях дамы
С золотой стрелой в шиньонах,
Целый день играют в карты,
728 И выигрывает Клара.

Обыграет и хохочет.
Ах, в моем ты сердце, Клара,
Всех, конечно, обыграешь,
732 Если вся ты в козырях».

Я пошел своей дорогой,
Но спросил себя: «С чего бы
Петь пристроилось безумье
736 На мосту, меж двух народов?

Что, безумец этот — образ
Их культурного обмена?
Или своего народа
740 Безобразный первый лист?».

Только к ночи мы достигли
Захудалого подворья,
Где на грязной сковородке
744 Прела *ollea-potrida*.

Там отведал и *garbanzos*
Тяжелее пуль ружейных, —
Не переварить их немцу,
748 Даром, что возрос на клетках.

Ужину была под пару
И постель. Вся в насекомых,
Как наперченная. Клоп —
752 Злейший враг людского рода.

Легче вынести враждебность
Тысячи слонов, чем злобу
Одного клопа, который
756 По твоей ползет постели.

Разрешить ему кусаться
Страшно. Но еще страшнее
Раздавить его: зловонье
760 За ночь вымотает душу.

Да, всего ужасней в мире
Столкновение с паразитом,
Воевать идущим вонюю, —
764 Такова дуэль с клопом!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Как восторженны поэты!
Даже смирные. Заладят
И пойдут тянуть: «Природа —
768 Необъятный храм господень;

Храм, своим великолепьем
Доказавший божью мудрость;
В нем под куполом, как лампы,
772 Солнце, звезды и луна!».

Будь по-вашему, коллеги!
Но извольте согласиться:
В храме лестницы плохие, —
776 Просто хуже не придумать.

Восхожденья, нисхожденья,
Спуски с гор, прыжки по скалам, —

Из-за них изнемогали
780 И душа моя, и ноги.

Мы бок о бок шли с Ласкаро;
Точно свечка, длинный, бледный, —
Ни словечка, ни улыбки, —
784 Был покойный сын колдуньи.

Да, такие ходят слухи,
Что он мертв, и лишь Урака
Колдовским своим искусством
788 Жизнь поддерживает в сыне.

Черт возьми ступени храма!
Все не взять мне в толк поныне,
Как, споткнувшись над обрывом,
792 Не свернул себе я шею.

Завывали водопады,
Сосны жалобно стонали, —
Сек их ветер! Сразу хлынул
796 Дождь, — испортилась погода!

В тихом домике рыбацком
Обрели на Lac de Gobe *
Мы и крышу, и форелей;
800 Рыбка — лакомый кусочек!

Возлежал в уютных креслах
Лодочник больной и старый,
А за ним два ангелочка —
804 Две племянницы смотрели.

* Озеро Гоб (франц.).

Два дородных ангелочка,
Улизнувшие с полотен
Рубенса: златые кудри,
803 Крепкий стан и взор безгрешный.

В ямочках карминных щечек
Озорной смешок таился,
А роскошные объемы
812 Страсть и страх внушали разом.

Эти славные созданья,
Исцелить желая дядю,
Очень мило обсуждали,
816 Что приятней пить больному.

То одна ему подносит
Чашку липового чаю,
То велит ему другая
820 Взять бузинную настойку.

«Пить я этого не стану! —
Завопил старик обеим, —
Где вино? Я доброй влаги
824 Поднести гостям желаю!».

Не скажу, и впрямь вино ли
Мы на Lac de Gobe пили,
Только будь мы в Брауншвейге,
828 Я бы счел, что это Мумме.

Из козлиной черной шкуры
Был бурдюк, и в нос шибало,
Но старик, с восторгом выпив,
832 Сразу стал здоров и весел.

Кое-что порассказал он
О делах контрабандистов,
Беспрещетливо царящих
836 На лесистых Пиренеях.

Знал он множество преданий
И, среди прочих, нам поведал,
Как гиганты и медведи
840 Ратоборствовали древле.

Да, гиганты и медведи
Бились в прошлом за господство
Над горами и лугами,
844 Где потом селились люди.

А с приходом человека
С толку сбитые гиганты
Обратились в бегство. Мозгу
848 В головах громадных мало.

Говорят, когда до моря
Добежали остолопы
И увидели, что небо
852 Отразилось в синих волнах,

То, сочтя, что море — небо,
Все туда они рванулись,
Уповая на спасенье,
856 И пошли ко дну всем скопом.

Что ж касается медведей,
Люди их уничтожают,
И число их в Пиренеях
860 Убывает ежегодно.

«На земле, — старик заметил, —
Постоянно перемены.
Род людской придет в упадок,
864 И начнется власть пигмеев.

Эти дошлые людишки
Обитают в горных недрах,
В рудниках крупицы злата
868 Подбирая расторопно.

Часто лунными ночами
Замечал я, что из норок
Смотрят хитрые глазенки,
872 И грядущее страшило!

Давит мощь мошны пигмеев!
Не пришлось бы нашим внукам,
Как гигантам неразумным,
876 Драпать в небо водяное!».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В горном сумрачном провале
Дремлют воды озерные.
Опечаленные звезды
880 Смотрят с неба. Ночь. Молчанье.

Ночь. Молчанье. Плещут весла,
И как будто тайна плещет,
Челн плывет. Своих племянниц
884 За себя старик отправил.

Весело гребут! Во мраке
Иногда, подобно звездам,

Блещут их нагие руки
888 Или глазки голубые.

Рядышком со мной Ласкаро,
Молчаливый, как обычно,
И страшит меня догадка:
892 Неужели он покойник?

Или сам я тоже умер
И плыву по темным волнам
Вместе с призраками вниз,
896 В царство старого Плутона?

И не воды Стикса разве
Здесь текут? Не Прозерпина,
Зная, что Харон в отлучке,
900 Горничных за мной послала?

Нет, не умер я, не умер,
Не погас, и жжет мне душу,
Распаляясь и ликуя,
904 Животворный пламень жизни.

Эти девушки на веслах,
Их поднявшие задорно
И стекающей водою
908 В нас плеснувшие со смехом, —

Эти ладные девицы
Уж никак не привиденья,
Не посланцы преисподней
912 И не челядь Прозерпины.

Чтобы впредь не сомневаться
В их земном существованье

И увериться на деле,
916 Что во мне довольно жизни,

Я, губами приникая
К ямочкам на алых щечках,
Вывел силлогизм: целую, —
920 Следовательно, живу.

А как к берегу пристали,
Я расцеловал их снова,
Никакой другой монетой
924 Не взимали за провоз.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Блещет солнце, и смеются
Фиолетовые горы,
На откосе деревушка
928 Птичьим гнездышком повисла.

Я узнал, туда взобравшись,
Что родители в разлете,
И одни птенцы остались,
932 Не летавшие покамест.

Симпатичные мальчишки,
Миловидные девчушки,
В красных шапках, в белых шляпках
936 В обручение играли.

Помешать им не решаясь,
Я смотрел, как принц мышинный
Пред кошачьей королевой
940 Пылко преклонял колени.

Бедный принц! Его поженят
На красавице. Заездит,
Загрызет, заест супруга.
944 Жизнь отдашь — игре шабаш.

Целый день провел я вместе
С детворой. Мы поболтали
Запросто. Хотелось деткам
948 Вызвать, кто я, чем я занят.

«Братцы, — говорю, — родные,
Из Германии я родом,
Там полным-полно медведей,
952 Я же, стало быть, охотник.

Я из них, признаться, многим
Обломал бока медвежьи,
Хоть и мне порой случалось
956 Побывать в медвежьих лапах.

Только всякий день сражаться
С неумытым остолопом
Мне в любезнейшей Отчизне
960 Наконец осатанело.

И сюда я путь направил
Поискать поля получше,
Буду пробовать я силы
964 На великом Атта Троле.

Он противник благородный
И достойный. В отчих землях
Я такие вел сраженья,
968 Что побед бывало стыдно».

Я откланялся, а крохи
Обступили на прощанье,
Заплясали и запели:
972 «Жирофлино, Жирофлетто!».

Следом бойко и красиво
Подошла ко мне меньшая
И четырежды присела,
976 И запела мелодично:

«Коли встречу государя,
Буду дважды книксен делать,
Государыню увижу —
980 Перед ней присяду трижды,

А когда мне черт с рогами
Повстречается в дороге,
Я четырежды присяду, —
984 Жирофлино, Жирофлетто!».

«Жирофлино, Жирофлетто!» —
Вторил хор, и, потешаясь,
Детвора у ног моих
988 Закружилась в хороводе.

Я спускался вниз, в долину,
И, блаженно замирая,
Вслед неслоь, как птичий щebet:
992 «Жирофлино, Жирофлетто!».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Велики и безобразны,
Скалы на меня взирают,
Словно стадо первобытных
996 Обращенных в камень чудищ.

И не странно ли? Над ними
Серые нависли тучи —
Двойники, дурные слепки
1000 Диких каменных громадин.

Водопад вдали клокочет,
Завывает ветер в соснах,
Рокотанье роковое
1004 Непреклонно, безнадежно.

Нагоняет страх пустыня!
Сядут стаи черных галок
По ветвям прогнувшихся елей
1008 И вспорхнут на слабых крыльях.

Мы идем вдвоем с Ласкаро,
Он, как был, безмолвен, бледен,
Я же выгляжу безумьем
1012 Под конвоем скорбной смерти.

Что за мерзость запустенья?
Проклят, что ли, край? Похоже,
Кровью вымазаны корни
1016 Деревя, что захирело.

А в тени его — хибарка
Со стыда зарылась в землю,
И соломенная крыша
1020 На тебя с мольбой взирает.

Обитают здесь каготы,
Их лишь горстка уцелела,
И растоптанное племя
1024 Дни свои влачит во мраке.

У басконок есть поныне
Отвращение к каготам,
Это темное наследство
1028 Темноты религиозной.

А в Баньерском есть соборе
Металлическая дверца;
Мне рассказывал причетник,
1032 Что входили здесь каготы,

Что заказаны им были
Все другие двери храма,
И всегда они украдкой
1036 Пробирались в дом господень.

На подрубленной скамейке
В стороне они молились;
Их чурались, как заразных,
1040 Остальные прихожане.

Но уже горят радушно
Свечи нынешнего века,
Разгоняет свет их яркий
1044 Призраки средневековья.

Не пошел со мной Ласкаро
В дом каготов, их проведаль
Я один. С открытым сердцем
1048 Руку протянул я брату

И поцеловал ребенка,
Присосавшегося жадно
К материнской груди; был он
1052 Вроде паука больного.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Если издали на горы
Поглядеть, они сверкают;
Солнце в золото и в пурпур
1056 Их по-княжески одело.

Но вблизи тускнеет роскошь
И, как всякое величье,
Предстает водящим за нос
1060 Ловким световым эффектом.

Были золото и пурпур,
Смотришь — это снег тщеславный,
Снег тщеславный, слабый, жалкий,
1064 В одиночестве канючит.

На высотах сам я слышал,
Как трещал он, изливаясь
Грубым и холодным вихрям,
1068 Побелевший от напастей.

«Как медлительно, — вздыхал он, —
Дни текут в углу медвежьем,
Нет конца им, словно каждый —
1072 Льдами скованная вечность!

О несчастный снег я! Мне бы
Не на горную вершину,
А в ложбину выпасть надо,
1076 Там цветочки расцвели!

Я бы там теперь растаял,
Ручейком бы стал, могла бы

Девушка — краса деревни
1080 Мыть лицо в моих волнах.

Я и до моря, пожалуй,
Мог доплыть, и напоследок
Стать жемчужиной, украсить
1084 Королевскую корону!».

Услышав такие речи,
Я сказал: «Я не уверен,
Милый снег, что столь блестящий
1088 Жребий ждал тебя в ложбине.

Не горюй! Внизу вступают
Единицы в ряд жемчужин.
Ты, глядишь, попал бы в лужу
1092 Или даже стал навозом!».

И пока в такой манере
Я беседовал со снегом,
Грянул выстрел, и низвергся
1096 Рыжий коршун с поднебесья.

Пошутить Ласкаро вздумал
По-охотничьи. Казалось,
Как всегда он строг и мрачен,
1100 Только ствол ружья дымился.

Он перо из птичьей гузки
Молча вырвал и приладил
К мягкой островерхой шляпе
1104 И пошел своей дорогой.

Жутко, право, было видеть,
Как по снеговым вершинам
И черна, и долговяза
1103 Тень с пером передвигалась.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Темный дол — точь-в-точь проулок,
Звать его — Теснина Духов,
Обе стороны — утесы,
1112 Ввысь идущие отвесно.

Там, у самого обрыва,
Словно сторож, не робея
Вниз взирает дом Ураки;
1116 Я попал в него с Ласкаро.

Потаенной речью жестов
Обсудили сын с мамашей,
Как вернее Атта Троля
1120 Заманить и уничтожить.

Мы на след его напали,
И теперь ему не скрыться
Нипочем. Твой час последний
1124 Наступает, Атта Троль!

Впрямь ли старая Урака
Столь недюжинная ведьма,
Как свидетельствует это
1128 Населенье в Пиренеях,

Не скажу. Ее наружность,
Сколь я знаю, возбуждает

Подозренье. Подозренье
1132 Возбуждает гной на веках.

Взгляд ее настолько злобен,
Что, по слухам, у коровы
От ее косого взгляда
1136 Может молоко пропасть.

Много раз предупреждали,
Что, задев рукой иссохшей,
Ведьма и свинью погубит,
1140 И могучего быка.

За подобные деянья
На нее неоднократно
Подавали в суд. Однако
1144 Там судья был вольтерьянец.

Ограниченный мирянин,
Без прозрений и без веры,
Скептик жалобщика взашей
1148 Выпроваживал глумливо.

Для чиновников — Урака
Занята пристойным делом:
Травы горные находит,
1152 Чучелами птиц торгует.

И полна ее лачуга
Образцов. Тяжелый запах
Испускают мандрагора,
1156 Белена и белладонна.

Грозных коршунов собрание
Здесь подобрано недурно,

Широко простерты крылья,
1160 И торчат большие клювы.

Запах трав душистых, что ли,
Вдруг мне в голову ударил?
Только сильно подивился
1164 Я при виде птиц подобных.

Я бы счел, что это люди,
Но искусством чародейным
Обреченные навеки
1168 Чучелами птиц остаться.

На меня они взирают
Горестно, нетерпеливо,
Но косятся временами
1172 С диким страхом на колдунью.

А она-то, а Урака,
И сынок ее Ласкаро,
Примостившись у камина,
1176 Льют свинец, готовят пулю.

Льется пуля роковая
Для убийства Атта Троля,
Торопливо полыхает
1180 На лице у ведьмы пламя.

Шевелит она губами
Непрестанно, но беззвучно, —
Не заклятье ли бормочет,
1184 Чтобы спорилась отливка?

То хихикает старуха,
То подмигивает сыну,

Но Ласкаро занят делом
1188 И безмолвствует, как смерть.

Задыхаясь от кошмаров,
Я добрался до окошка
Воздуха глотнуть и глянул
1192 Вниз, на дальнюю долину.

Что за сцена мне предстала
Меж двенадцатью и часом,
Я в последующих главах
1196 Изложить вам попытаюсь.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Это в пору полнолунья
В ночь Иванову случилось —
Кавалькада чертовщины
1200 Пронеслась Тесниной Духов.

Из колдуньиной лачуги
Я в окно отлично видел,
Как промчались по проулку
1204 Призрачные легионы.

С превосходнейшего места
Любовался я спектаклем,
Где восставшие из гроба
1208 Мертвецы торжествовали.

Свист бичей, ура и bravo!
Конский храп и лай собачий!
Рог охотника и хохот!
1212 Сразу эхо отзывалось!

Первым, как бы в авангарде,
Красный зверь бежал бесстрашно,
Стадо вепрей и оленей;

1216 Следом шла собачья свора.

Мчались ловчие вдогонку
Из эпох и стран различных,
Скажем, Нимрод Ассирийский
1220 И с ним рядом Карл Десятый.

Пронеслись они на белых
Лошадях. За ними пехом
Доезжачие с борзыми

1224 И при факелах пажии.

В этом буйном караване
Я узнал довольно многих.
Разве латы золотые

1228 Не на короле Артуре?

Разве не Ожье Датчанин
Облачен в зеленый панцирь
И всем обликом походит

1232 На огромную лягушку?

Из героев духа также
Я узнал довольно многих,
Угадал я, где наш Вольфганг,

1236 По его живому взгляду.

Осужденный Генгстенбергом,
Он в могиле спать не может
И в языческой потехе

1240 Вновь обрел охоту к жизни.

По чарующей улыбке
Угадал я, где тут Вильям,
Пуританами он также
1244 Проклят был; он тоже, грешный,

С диким сбродом ночью должен
Мчать на вороном коне.
А за ним плетется кто-то
1248 На осле. Великий боже! —

Вид благочестиво-пресный,
Праведный колпак ночной
И печать тоски смертельной
1252 Отличали Франца Горна.

Комментировал несчастный
Знаменитого Шекспира
И обязан после смерти
1256 Гнать за ним, как ошалелый.

Тихий Франц в подобной гонке!
А не смел ступить и шагу,
Рисковал лишь помолиться
1260 Да за чаем покалякать.

Разве не перепугает
Старых дев, над ним дрожавших,
Сообщение, что Франц
1264 Стал полночным привиденьем?

Чуть доходит до галопа,
Вильям смотрит, забавляясь,
Как несчастный комментатор
1268 На осле спешит вдогонку.

Он устал, но прицепился
Намертво к ослиной сбруе,
После смерти, как при жизни,
1272 Только автору он верен.

Много дам я также видел
В сонме духов беспокойных,
Бесподобны были нимфы
1276 Стройные и молодые.

По-мужски в седле сидели
Нагишом, согласно мифам,
Лишь распущенные косы,
1280 Как плащи, их прикрывали.

И с венками на головках,
Запрокинувшись отважно,
В гордых и задорных позах
1284 Тирсами махали нимфы.

Дочки графов и баронов,
Аккуратно застегнувшись,
Восседали в дамских седлах
1288 И держали соколов.

Вслед за ними для потехи
Двигалась на тощих клячах
Вереница пародийно
1292 Расфуфыренных бабенок.

Привлекательное что-то,
Но противное в них было;
Голосили, как чумные,
1296 Щеки наспех нарумянив.

Эхо сразу отзывалось!
Рог охотника и хохот!
Конский храп и лай собачий!
1300 Свист бичей, ура и bravo!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Меж теней в глаза бросался
Дивной красоты трилистник.
Никогда я не забуду
1304 Три прелестных женских лика.

Я легко узнал богиню
С полумесяцем в прическе,
Предо мной она промчалась.
1308 Гордая, как изваянье.

Выступали грудь и бедра
Из-под малепькой туники,
Блеск огней и лунный свет
1312 Сладострастно льнули к телу.

Лик ее, как мрамор, белый
Был и холоден, как мрамор,
И безжизненно-бескровны
1316 Благородные черты.

Но в очах, вселяя ужас,
Пламя тайное пылало,
Ослепляющее сердце,
1320 Пожирающее душу.

Как она переменилась!
Не Диана ль Актеона

От девической гордыни
1324 Псам охотничьим стравила?

Искушая грех давнишний,
Ныне в обществе любезном,
Как земная тварь, богиня
1328 Мчится в ночь навстречу ветру.

Хоть не в срок, но тем сильнее
Пробудилось вожделење,
И в очах оно пылает
1332 Истинным огнем геенны.

Сколько времени пропало!
Как испортились мужчины!
Лишь количеством, пожалуй,
1336 Качество ей возместится.

Рядом ехала вторая,
Но не греческая строгость
Покоряла здесь, а прелесть
1340 Кельтского происхожденья.

В грациозной этой фее
Я легко узнал Абунду
По ее улыбке нежной
1344 И заливиному смеху.

Ах, она розовощека,
Будто выписана Грезом,
Рот ее раскрыт сердечком,
1348 Зубы — просто загляденье.

Ветер без ночной рубашки
Норовил ее оставить —

И во сне-то мне не снилось
1352 Увидать такие плечи.

Чуть в окошко я не прыгнул,
Чтобы с ней поцеловаться.
Обошлось бы это скверно —
1356 Я себе свернул бы шею.

Но она бы хохотала,
Если б я свалился в пропасть
Весь в крови, к ногам прелестным...
1360 Я-то знаю этот хохот!

Ну а третья, ну а третья,
Поразившая мне сердце,
Не бесовское отродье,
1364 Наподобие двух прежних?

Кто ты — ангел или дьявол?
Разобрать нельзя у женщин,
Где кончается в них ангел,
1368 Где в них дьявол начался.

Лик болезненный и знойный
Дышит чарами востока,
А наряд богат и пышен,
1372 Точно в сказках Шахразады.

У нее гранаты — губы,
И с горбинкой нос лилейный,
Стройный стан дарует свежесть,
1376 Словно пальма средь пустыни.

На послушном иноходце,
За поводья золотые

Маврами двумя ведомом,
1380 Восседает королевой.

Да и впрямь ведь королева,
Коль супруг ее — царь Ирод,
По ее лишь настоянью
1384 Обезглавлен был Креститель.

За кровавое деянье
Обрекли ее носиться
Привидением полночным
1388 Вплоть до светопреставленья.

У нее в ладонях блюдо
С головою Иоанна,
И она ее целует;
1392 Вот ведь как целует жарко!

Был пророк любим царицей, —
Хоть молчит о том писанье,
Но идет молва в народе
1396 О кровавой этой страсти.

Объяснить нельзя иначе
Поведенье пылкой дамы,
Если женщина не любит,
1400 Что ей голова мужчины?

Видно, малость осерчала
И велела обезглавить;
Но едва ей показали
1404 Блюдо с головой любимой,

Зарыдала и угасла,
Спятив от любви безумной.

(Плеоназм — «любви безумной»,
1408 Ведь сама любовь — безумство).

По ночам с тех пор вставая,
С головой кровавой скачет
Женский призрак на охоту,
1412 И в капризе безрассудном

Кверху голову швыряет,
По-ребячьи забавляясь,
И на диво расторопно
1416 Ловит сызнава, как мячик.

Проносясь, она меня
Оглядела и кивнула
Разом томно и задорно,
1420 Так что сердце задрожало.

Трижды тени пролетали,
И прелестное виденье,
Проносясь в их сонме, трижды
1424 Мне любезно поклонилось.

Успокоились кошмары,
Отшумела суматоха,
Но еще палил мне душу
1428 Тот кокетливый поклон.

Напролет всю ночь валялся
Я, бессонницей страдая,
На соломе (нет перьяны
1432 В обиталище Ураки).

«Мы жили в тесном семейном кругу».

Генрих Гейне

«Все волки — братья!»

Все я думал, что бы значил
Тот поклон необъяснимый?
Отчего могла так нежно
1436 Ты глядеть, Иродиада?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Утро. Бьют златые стрелы
По белесому туману,
И туман, покрывшись кровью,
1440 Растворяется в сиянье.

Вот и празднует победу
Новый день, как триумфатор,
Полный блеска и величья,
1444 Горные хребты поправ.

Птичье звонкое семейство
В тайных гнездышках щебечет,
И концерт благоуханий
1448 Веет над травой душистой.

Только зорька занялась,
Мы перебравшись в долину,
И пока искал Ласкаро
1452 След сбежавшего медведя,

Скоротать хотел я время
В размышленьях. Но от мыслей
Понемногу утомился,
1456 И тоску они нагнали.

Опечаленный, усталый,
Я под ясенем громадным

Сел на мшистую скамейку
1460 У журчащего ручья.

И журчанье колдовское
Так меня заморозило,
Что былых идей не стало,
1464 Не осталось прежних мыслей.

Овладело мной влеченье,
Точно к сну, к безумству, к смерти,
К трем вчерашним амазонкам,
1468 Пролетевшим в сонме духов.

О, видения ночные,
Изгнанные днем лучистым,
Где таитесь вы, скажите?
1472 Где вы прячетесь от солнца?

Уверяют, что в Романье
Под развалинами храма
Укрывается Диана
1476 От дневной Христовой власти.

Только в темени полночной
Выходить она рискует
И в компании язычниц
1480 Счастлива продлить охоту.

Точно так же и Абунда,
Опасаясь назареев,
Целый день на Авалуне
1484 В безопасности проводит.

Этот остров расположен
Далеко в лазурном море

Романтизма. Лишь крылатый
1488 Конь легенд к нему домчится.

Там заботы не пристанут,
Пароходы не причалят,
И не выйдет с трубкой в пасти
1492 Любознательный филистер.

До него не достигает
Нудный, мертвенный, угрюмый
Бум-бум-бум, звон колокольный,
1496 Ненавистный добрым феям.

Там, навеки молодая,
И живет в сплошном веселье
Жизнерадостная дама,
1500 Златовласая Абунда.

Все смеется да гуляет
Меж подсолнухов веселых,
Да беседует со свитой
1504 Из покойных паладинов.

Ну а ты, Иродиада?
Где ты? Ах, и сам я знаю:
Ты мертва, и прах твой бранный
1508 Схоронил Ерушалаим.

Целый день, как труп безгласный,
Спишь ты в мраморной гробнице,
Но тебя средь ночи будят
1512 Свист бичей, ура и bravo!

Ты летишь за диким сонмом,
За Дианой, за Абундой,

За компанией, враждебной
1516 И распятью, и страданью.

Превосходное собрание!
Мне охотиться бы с вами
По ночам! С тобой бок о бок
1520 Мчался б я, Иродиада!

Ибо сердце полонила
Больше, чем богиня греков,
И сильнее, чем фея кельтов,
1524 Ты мне, мертвая еврейка!

Я люблю тебя. Я знаю,
Как во мне трепещет сердце.
Так ответь же мне любовью,
1528 Жизнь моя, Иродиада!

Так ответь же мне любовью!
Окровавленное блюдо
С головой дурацкой выкинь!
1532 Есть полакомей кусочки.

Для тебя я рыцарь верный.
Нет мне дела, что мертва ты
И что проклята. Я, право,
1536 Человек без предрассудков.

Кстати, и мое спасенье
Несколько проблематично,
И могу ль живым я зваться,
1540 Сам я часто сомневаюсь.

Прикажи, — и я твой рыцарь,
Я твой *cavalier servente*, *

* поклонник (*итал.*).

И твой плащ носить я буду,
1544 И сносить твои капризы.

По ночам мы будем вместе
Мчаться с буйной кавалькадой,
Поболтаем, посмеемся,
1548 Что несу я за нелепость.

Мы и сами не заметим, —
Ночь промчится. Днем, однако,
Сникнет радость, и рыдая
1552 Я приду к твоей могиле.

Буду днем сидеть рыдая
У руин гробницы царской
Там, где милую зарыли,
1556 Где стоит Ерушалаим.

Престарелые евреи
Станут думать, что горюю
Я о том, что храм разрушен
1560 И что пал Ерушалаим.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Аргонавты без галеры,
На своих мы лезем в горы;
Не руно мы золотое, —
1564 Лишь медвежью шкуру ищем.

Ах, нескладных нас, героев
Современного пошиба,
Не прославит ни единый
1568 Из классических поэтов!

А ведь мы перетерпели
Столько зла! Застиг нас ливень
На вершине, где не сыщешь
1572 Ни деревьев, ни кареты.

В туче брешь! (Трещит затычка!)
Хлещет дождь как из ведра.
Побожусь, Ясон в Колхиде
1576 Под таким не вымок душем.

«Дайте зонтик! Я согласен
Тридцать шесть отдать монархов
За обыкновенный зонтик!».
1580 Я кричал, а ливень лил.

Мы устали, приуныли,
И не лучше мокрых куриц
Воротились поздней ночью
1584 К горному жилищу ведьмы.

Сидя у плиты, Урака,
Не жалея сил, чесала
Своего большого mopca.
1588 Он немедля был отставлен,

Чтобы ей за нас приняться;
Мне постель она постлала,
С ног стащила эскадрильи —
1592 Отвратительную обувь.

Помогла разоблачиться,
Брюки снять, — они прилипли,
Мокрые, к ногам так плотно,
1596 Точно дружба остолопа,

«Где халат? Я тридцать шесть
Променять готов монархов
На сухой халат!». Я вскрикнул,
1600 А рубаха вся дымилась.

К очагу я на мгновенье
Подошел, стуча зубами,
И сейчас же, разомлевший,
1604 Повалился на солому.

Сон не брал меня. Прищурясь,
Я глядел, как ведьма сына
Выше пояса раздела
1608 И взвалила на колени,

Севши у плиты. А рядом
Встал пред ней на задних лапах
Толстый мопс, держа в передних
1612 С редкой ловкостью горшочек.

Из него брала Урака
Красный жир и, смазав сыну
Грудь и спереди, и сбоку,
1616 Растирала торопливо.

И покуда растирала,
Колыбельную тянула,
Чуть гнусавя, а в плите
1620 Чуть потрескивало пламя.

Сын лежал, как желтый труп,
На коленях материнских;
Очи тусклые, раскрывшись,
1624 Пучились, полны печали.

Или он и впрямь покойник,
И лишь любящая мать
Снадобьями ведовскими
1628 Ночью жизнь в него втирает?

Лихорадочная дрема!
Тело кажется свинцовым
От усталости, а чувства
1632 Напряглись и обострились.

Истомил меня душистый
Запах трав. Понять я тщился
Где мгѐ как-то раз подобный
1636 Пощадался, но не вспомнил.

Ветер, воющий в камне,
Сеял страх! В нем были всхлипы
Висельников неповинных —
1640 Голоса знакомы вроде.

И вконец я был замучен
Чучелами птиц, которых
Видал всякий час на полке
1644 В головах своей постели.

Крылья грозно расправлялись,
И ко мне тянулись клювы
Длинные, как будто каждый
1648 Клюв был человечесьим носом.

Ах, носы уже такие
Я не в Гамбурге ли видел?
Не во Франкфуртском ли гетто?
1652 Память бедная плутала!

Но со временем дремота
Мной всецело овладела,
И взамен больших фантазий
1656 Наступил здоровый сон.

Мне приснилось, что лачуга
Стала вдруг парадным залом,
Обнесенным колоннадой,
1660 Освященным яркой люстрой.

Музыканты-невидимки
Заиграли пресловутый
Пляс монашек из «Роберта»;
1664 Я слонялся в одиночку.

Наконец раскрылись двери,
И походкой церемонной
В зал вошли неторопливо
1668 Поразительные гости.

Привиденья и медведи!
Шел медведь на задних лапах,
Провожая привиденье,
1672 Завернувшееся в саван.

Вышли парами такими
И вальсировать пустились
Взад-вперед. Смотреть занятно!
1676 Трещи и потешайся!

Косолапым очень трудно
Было сообразоваться
Со стремительной повадкой
1680 Легких белых привидений.

Но влекли неумолимо
Вихри вальса бедных тварей,
Заглушающих сопеньем
1684 Даже контрабас в оркестре.

Иногда спшибались пары,
И повинный в этом призрак
От задетого медведя
1688 Получал шлепок по заду.

Иногда же ненароком
Стаскивал медведь в толкучке
С головы партнерши саван,
1692 И высовывался череп.

Под конец возликовали
Тамбурины и тромбоны,
Загремели барабаны,
1696 Пары двинулись галопом.

Но развязка не доспилась:
Мне один медведь невежа
Лапу на мозоль поставил;
1700 Тут я вскрикнул и проснулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Мчался в солнечной пролетке
Феб на огненных лошадках
И почти что полдороги
1704 В небесах уже проехал.

Между тем я в сладкой дреме
Видел пылкие сдизянья

Привидений и медведей —
1708 Несуразная картина!

Я проснулся лишь к полудню,
Огляделся — в доме пусто:
Ведьма с сыном спозаранку
1712 Потащилась на охоту.

Был я, стало быть, в лачуге
Только с мопсом. У плиты
Он стоял на задних лапах
1716 И держал в передних ложку.

Мопс отлично был, казалось,
Выдрессирован: едва лишь
Варево в котле вскипало,
1720 Тщательно снимал он пену.

Но со мной-то что творится?
В лихорадке, что ли, брежу?
Я ушам своим не верю —
1724 Мопс, как люди, говорит.

Говорит! И швабский говор
Удивительно приятен;
Весь уйдя в воспоминанья,
1728 Вот о чем он говорит:

«Горе мне, поэту-швабу!
От отечества оторван,
Обращенный в мопса, должен
1732 Я стеречь котлы колдуньи.

Сколь поистине преступно
Волшебство! И сколь трагично

Человеческие чувства
1736 Сохранять в собачьей шкуре!

Зря простился я с отчизной
И с коллегами по школе,
Нет меж ними чародеев,
1740 Чтобы вдруг зачаровали.

Зря простился я с отчизной,
С Карлом Майером, с родимым
Нашим сладким лакфиолем,
1744 С благостным колбасным супом!

Я помру в тоске по дому!
Повидать бы хоть разочек
Дым из труб, когда весь Штуккерт
1748 На обед лапшу готовит!».

Вняв такому излиянью,
Я растрогался. С постели
Я вскочил, подсел к камину
1752 И сочувственно промолвил:

«Славный бард, как очутился
Ты в лачуге у колдуньи?
Почему ты был в собаку
1756 Обращен жестокосердно?».

Просияв, он мне ответил:
«Ах, вы не француз, выходит?
Немец вы? И вам понятен
1760 Мой печальный монолог?»

Ах, земляк, мне на беду
Видный чин в посольстве Келле,

Покурив и выпив пива,
1764 Развивал в трактирных спорах

Всякий раз одну идею:
К просвещенью приобщают
Лишь поездки за границу,
1768 Где он сам и просветился.

Чтобы грубая короста
Больше мне к ногам не липла,
Чтобы мне, подобно Келле,
1772 В светских нравах наостриться,

Я сказал «прости» отчизне
И в погоне за наукой
Устремился в Пиренеи
1776 Прямо к хижине Ураки.

К ней мне целое посланье
Дал Юстинус Кернер. Вот уж
Не гадал, что старый друг
1780 Связь поддерживает с ведьмой!

Я приветливо был принят,
Но приветливость, к несчастью,
Возрастала, вырождаясь
1784 В грубо-чувственное скотство.

Да, пылающая похоть
Овладела дряблой грудью,
И растленная старуха
1788 Совратить меня хотела.

Я взывал: «Ах, извините,
Я, мадам, не гривуазный

Гетеанец, я, напротив,
1792 Представитель швабской школы.

Наша муза — непорочность!
У нее из толстой кожи
Панталоны. Не пытайтесь
1796 Посягать на добродетель!

У одних поэтов — мысли,
У других — душа, у третьих
Мастерство. Но добродетель
1800 У поэтов швабской школы.

Нет у нас других достоинств!
Нас оставьте в благонравном
Рубище религиозном,
1804 Наготу оно прикроло!».

Спорил я, но улыбалась
Женщина и смеха ради
Тонким прутиком омелы
1803 Головы моей коснулась.

Сразу муторно мне стало,
Словно кто гусиной кожей
Холодеющее тело
1812 Мне покрыл, но оказалась

Кожа вовсе не гусиной,
А собачьей шкурой. С этой
Незадачливой минуты
1916 Я, как видите, стал мопсом».

Бедный малый! Разрыдавшись,
Он не мог промолвить слова;

Так отчаянно он плакал,
1820 Чуть в слезах не захлебнулся.

«Слушайте, — сказал я скорбно, —
Как с вас снять собачью шкуру,
Чтобы вы к людскому роду
1824 И к поэзии вернулись?».

Он, однако, безутешный,
Не надеясь, лапы к небу
Поднял и с тяжелым вздохом
1828 Горько молвил напоследок:

«Мне до светопреставленья
Оставаться в шкуре мопса,
Если чары не развеет
1832 Девичье великодушье.

Только деве непорочной,
Не познавшей ласк мужчины,
Суждено мне дать свободу,
1836 При условии особом:

Этой деве непорочной
Нужно ночью новогодней,
Песни Пфифера читая,
1840 Невзначай не задремать.

Будет бодрствовать над книгой,
Не начнут глаза слипаться, —
Расколдованный, смогу я
1844 По-людски вздохнуть — размопсен!!».

«Ах, — сказал я, — не придется
Мне вас выручить; во-первых,

Я себя никак не смею
1848 Числить непорочной девой,

Во-вторых, еще труднее
Допустить, что я способен
Песни Пфцицера огулом
1852 Прочитать, не задремав».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Мы из мира ведовского
Вновь спускаемся в долину,
Обретая под ногами
1856 Положительную почву.

Прочь фантомы! Наважденья!
Миражи! Ночные страхи!
Образумившись, займемся
1860 Нашим славным Атта Тролем.

У детей своих в берлоге
Старец, праведно храпящий,
Предается сну; проснувшись,
1864 Он позевывает сладко.

По соседству Одноухий,
Как поэт, гонясь за рифмой,
У себя в затылке чешет
1868 И ритмично машет лапой.

Тут же, рядышком с папашей,
Спят две дочки Атта Троля,
И четвероногих лилий
1872 Сновиденья одолелд.

Что за трепетная нежность
Обитает в юных душах
У невинных медве-девиц?
1876 Взор у них слезами застлан.

Умиленное, пожалуй,
Младшая. Томит ей сердце
Благодатная щекотка,
1880 Страх пред властью Купидона.

Выстрел маленького бога
Проколол ей шкуру сразу,
Чуть *его* узрела, — боже,
1884 Человек ей полюбился!

Человека звать Наглянский.
Потерпевший поражение,
Он предстал ей, убегая,
1888 Поутру по горной тропке.

Женщин трогают страданья,
А черты ее героя
Отражали, как обычно,
1892 Коренной развал финансов.

Всю наличность войсковую,
Привезенную из дому,
Суммой в двадцать два гроша,
1896 Взял трофеем Эспартеро.

И часы не уделели —
Заложил их в Пампелуне,
А серебряные были
1900 И достались по наследству.

Со всех ног он в бег пустился,
Сам не ведая, что бегством,
Обретал гораздо больше,
1904 Чем победу в битве, — сердце!

Да, медведице несчастной
Полюбился враг исконный.
Кабы знал о том родитель,
1908 Зарычал бы, возмущаясь.

Престарелый Одоардо
Закодол во имя чести
Дочь Эмилию Галотти.
1912 Атта Троль, ему подобно,

Лапой собственной скорее
Дочь любимую прикончит,
Чем позволит ей отдаться
1916 Пакостным объятьям принца!

Но сейчас он благодушен
И в подобную минуту
Не погубит розу прежде,
1920 Чем ее обтреплет ветер.

Благодушный Атта Троль
У своих лежит в берлоге,
Но гнетут предвестьем смерти
1924 Мысли о потустороннем.

«Дети, — молвит он, и очи
Наполняются слезами, —
Дети! Странствия земные
1928 Я окончил. Час мой пробил,

Нынче в полдень сон я видел,
Сон, исполненный значенья,
И душа узнала сладость
1932 Приближающейся смерти.

Суеверия мне чужды,
Но меж небом и землею
Вещи есть, что не под силу
1936 Философии осмыслить.

Я гадал о судьбах мира
И подремывал, зевая,
Мне приснилось, что лежу я
1940 На корнях большого древа,

А на землю ветви древа
Мед прозрачный источают.
Он бежал мне прямо в пасть.
1944 Я испытывал блаженство.

От блаженства сладко жмурясь,
Ввысь я глянул и увидел,
Что семерка медвежат
1948 С ветки прыгает на ветку.

Эти нежные создания
Были все в меху пунцовом,
На плечах он завивался,
1952 Словно шелковые крылья.

Были шелковые крылья
На пунцовых медвежатах,
Певших сладостно, как флейты,
1956 Неземными голосами.

От их песен леденела
Шкура, но, пронзая шкуру,
Вознеслась душа, как пламя,
1960 И, лучась, умчалась в небо!».

Так пробормотал в испуге
Грустный Атта Троль. Мгновенье
Он молчал, прибитый горем,
1964 Но внезапно наострились

Уши у него, немедля,
Весь дрожа, он спрыгнул с ложа
И, ликуя, загорланил:
1938 «Дети, узнаете голос?

Иль не сладкий это голос
Вашей матушки? Я знаю,
Как ворчать умеет Мумма,
1972 Мумма, черненькая Мумма!».

Атта Троль зря слов не тратил
И помчал, ополоумев,
Из берлоги безопасной.
1976 Ах, он мчал беде навстречу!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ронсевальская долина
Это памятное место.
В дни былые Карл Великий
1930 Здесь племянника утратил.

Атта Троль погиб здесь также.
Он попал в ловушку, словно

Тот, кого куда-рыцарь,
1934 Ганелон из Майнца, предал.

Ах, чистейшее в медведе —
Обожание супруги,
Раззадорила Урака,
1988 Чтоб завлечь его в засаду.

Бормотанью черной Муммы
Ведьма ловко подражала,
Побуждая Атта Троля
1992 Бросить верную берлогу.

Он парил на крыльях чувства
И, принюхавшись, вплотную
Подошел к большому камню,
1995 Отыскать надеясь Мумму.

Ах, там прятался Ласкаро!
Он и выстрелил, прицелясь,
Прямо в радостное сердце,
2000 И потек ручей кровавый.

Голова сперва качнулась,
Раз, другой, и он свалился,
Застонал, забился в корчах,
2004 И вздохнул, кончаясь: «Мумма!».

Так пришел конец герою.
Так он умер. Но бессмертный
Он воскреснет за могилой
2008 В стройных строфах песнопевца.

Наш герой воскреснет в песне,
И немеркнущая слава

В четырех стопах тролея
2012 Побежит по белу свету.

В честь него создаст в Валгалле
Монумент король баварский.
В лучшем стиле Виттельсбахов
2016 Надпись будет лапидарна:

«Атта Троль, медведь идеи.
Набожен. Как муж исправен.
Слыл, польстясь на злободневность,
2020 За лесного санкюлота.

Дурно танцевал. Но духом
До конца был делу предан.
Временами портил воздух.
2024 Не талант, зато характер».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

На окраину деревни
Вышли тридцать три старухи
В старобаскском одеянье,
2028 В ярко-красных капюшонах.

И одна, точь-в-точь Дебора,
Била в тамбурин и пела
Песнь хвалебную Ласкаро,
2032 Умертвившему медведя.

Четверо мужчин тащили
Мертвого медведя в кресле,
Он сидел, напоминая
2036 Паралитика на водах.

Как родные за умершим,
Шли Ласкаро и Урака;
Ведьма кланялась, потупясь,
2040 То налево, то направо.

А у ратуши, едва лишь
Вышло шествие на площадь,
Произнес помощник мэра
2044 Речь о множестве вопросов.

Вспомнил роль морского флота
И значение печати,
Осветил проблему свеклы,
2048 Осудил многопартийность.

Честь воздав Луи-Филиппу
За огромные заслуги,
Он добрался до медведя
2052 И до подвига Ласкаро.

«Ты, Ласкаро, — возгласил он
И с лица трехцветным шарфом
Вытер пот, кативший градом, —
2056 Ты, Ласкаро! Ты, Ласкаро!

Ты испанцев и французов
Спас от козней Атта Троля,
Став героем двух народов,
2060 Лафайетом Пиренеев!».

Был радешенек Ласкаро
Почестям официальным,
Раскрасневшись от восторга,
2064 В бороду он усмехался.

Сбивчиво и торопливо,
То и дело запинаясь,
Лепетал он благодарность
2068 За почет, безмерно лестный.

Удивлялись люди, глядя
На невиданную сцену,
И растерянно шептались
2072 Оробевшие старухи:

«Сам Ласкаро засмеялся!
Сам Ласкаро покраснелся!
Сам Ласкаро держит речь! —
2076 Он, — мертвец, отродье ведьмы!».

В тот же день освеживали
Атта Троля и пустили
Шкуру с молотка. Скорняк
2080 За нее дал сотню франков.

Блеск навел как подобает,
Сделал красную подкладку
И кому-то перепродал,
2084 Получив двойную цену.

Только через третьи руки
Перешла она к Жюльетте
И легла в парижской спальне
2088 Ковриком к ее кровати..

О, частенько я среди ночи
Босиком стоял на брэнной
Плоти моего героя,
2092 На мохнатой шкуре Троля.

И охваченный печалью,
Вдруг я вспомнил — Шиллер пишет:
«В песне здравствующий вечно
2096 В жизни должен погибать!».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ну а Мумма? Да ведь Мумма —
Женщина. Ей имя — хрупкость.
Ах, все женщины на свете,
2100 Как фарфоровые, хрупки.

Благородного супруга
Потеряв навеки, Мумма
Безрассудно не хандрила
2104 И в печали не скончалась.

Нет, напротив, продолжала
Веселиться, в пляс пускалась
Перед публикой, срывая
2108 Всякий день рукоплесканья.

Наконец, она в Париже
Навсегда обосновалась
И в Jardin des Plantes сыскала
2112 Обеспеченное место.

Мы с Жюльеттой в воскресенье
Погоулять туда ходили.
Показал я ей природу,
2116 Мир животных и растений,

Кедр ливанский и жирафа,
Одногорбого верблюда,

Золотистого фазана,
2120 Зебру, — так, заговорившись

Подошли мы к парапету,
За которым тут же в яме
Помещаются медведи, —
2124 Боже, что мы там узрели!

Исполинского медведя
Из Сибири, с белой шкурой!
Нежным играм предавался
2128 Он с медведицей пригожей.

Оказалось, это Мумма!
Половина Атта Троля!
Я узнал ее по блеску
2132 Нежных глаз, больших и влажных.

То была она! Дочь юга
Черная! Выходит, Мумма
Нынче путается с русским,
2136 Варваром краев полночных!

Устремляясь нам навстречу,
Негр заговорил с ухмылкой:
«Нет прекраснее картины,
2140 Чем два любящих созданья!».

Я ему: «А с кем, простите,
Честь имею говорить?».
Поразившись, он воскликнул:
2144 «Неужели не узнали?

Я — князь мавров с барабаном
Из поэмы Фрейлиграта.

Худо мне пришлось у немцев,
2148 Я сочувствия не встретил.

Здесь, однако, где служу я
Надзирателем и вижу
Флору тропиков родимых
2152 И привычных львов и тигров,

Мне значительно удобней,
Чем на ярмарках немецких, —
Барабань там ежедневно,
2156 А питание плохое!

Белокурую кухарку
Из Эльзаса взял я в жены,
И в супружеских объятьях,
2160 Как на родине, чудесно.

Ибо ноги благоверной
Схожи с гордыми слонами,
А ее французский говор
2164 С черным языком отчизны.

Как начнет она браниться,
Слышу грохот барабана,
Что, увешан черепами,
2168 Устрашал и львов, и змей.

Но она, отдавшись чувству,
Лунной ночью плачет, будто
Крокодил, из теплой речки
2172 Всплывший подышать прохладой.

И готовить мастерица!
Я воспрянул! Жру я с прежним

Африканским аппетитом,
2176 Как на Нигере бывало!

Нагулял себе я брюхо,
И оно из-под рубахи
Смотрит вдаль, как черный месяц
2180 Из-за белых облаков».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
(Августу Фарнгагену фон Энзе)

«Где вы только, Лодовико, —
О господь наш милосердный, —
Набрались такого вздора?», —
2184 Вскрикнул кардинал фон Эсте

По прочтении поэмы
О неистовом Роланде,
Сочиненной Ариосто
2188 В честь его преосвященства.

Ах, Фарнгаген, друг старинный,
На твоих устах я вижу
То же самое сужденье
2192 И такую же улыбку.

То смеешься ты над книгой,
То становишься серьезен
И морщинишь лоб высокий —
2196 И бегут воспоминанья;

«Иль не в молодости снились,
Ночью синей, в свете лунцом,

Эти звуки нам с Шамиссо,
2200 И Брентано, и Фуке?

Не часовенки ль забытой
Слышен колокол над лесом?
А при нем не погремушка
2204 На дурацком колпаке?

Соловьиною капеллу
Заглушает бас медвежий,
Но шушукаются снова
2208 Привидения былые!

Чушь, исполненная смысла!
Мудрость в умственном расстройстве!
Наш предсмертный вздох, внезапно
2212 Обернувшийся насмешкой!».

Да, приятель, это песня
О мечте давно разбитой,
Хоть новейшие рулады
2216 Есть у старого мотива.

Ты за позой горделивой
Малодушие заметишь, —
Я стихи свои вверяю
2220 Снисхожденью твоему!

Здесь кончается лесная
Песнь романтики свободной!
В шуме каждодневных стычек
2224 Оскудев, она заглохнет.

Смена веку — смена птицам!
Смена птицам — смена песням!

Ну и гогот! Словно гуси,
2228 Что когда-то Рим спасли!

Ну и щебет! Воробьишко
В коготках свечу за пфенниг
Стал носить, как стрелы молний
2232 Нес Юпитера орел.

Ну и воркотня! Голубки
Нынче жаждут ненавидеть,
И возить они мечтают
2236 Не Венеру, а Беллону!

Мир дрожит: ну и жужжанье!
Это о весне народов
Майские жуки вещают,
2240 Всякий день ожесточаясь!

Смена веку — смена птицам!
Смена птицам — смена песням!
Мне бы нравились они,
2244 Кабы мне другие уши!

ВАРИАНТЫ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Журнальная редакция

Вм. 129—140 Здесь расстанемся, читатель,
Мы с неистовым вожатым
И хлебнувшей горя Муммой, —
Мы пойдем за Атта Тролем,

Сообщим, как благородный
Refugié * хотел добраться
До своих, и обрисуем
Все хозяйство медвежачье.

Вслед за этим на охоте
Будем ползать, лазать, грезить,
Как сообщники Ласкаро,
Пристрелившего медведя.

Сковиденье летней ночи!
Песнь моя не знает цели,
Как любовь, как жизнь людская.
Направленья здесь не ждите.

Атта Троль не воплощает
Суть немецких толстокожих

* Беглец (*франц.*).

Нутряных основ, аллюзий
Не плодит он в наше время.

Нет, герой мой не из немцев, —
Ведь немецкие медведи
Хоть танцуют по-медвежьи,
Но не скидывают цепи.

Рукописный вариант

Сновиденье летней ночи,
Песнь моя не знает цели,
Как любовь, как жизнь людская.
Злобе дня она не служит.

Не ищите понапрасну
Здесь раденья за отчизну,
За отчизну мы радеем,
Но одной лишь доброй прозой.

Отдаваясь доброй прозе,
Мы ломаем цепи рабства,
Но в стихах, но в песнопеньях,
Издавна цветет свобода.

Здесь поэзия царица,
Здесь баталиям не место,
Так взмахнем же легким тирсом,
Розами себя украсим.

«При виде этого инструмента, которым врач помазивал не без удовольствия, его милость покраснел».

«Способ сравняться с Фанни Эльслер».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Журнальная редакция

Вм. 225—228 Он терпеть не может мыла,
Шика современных ванн,
И во всякой грязной луже
Станет с головой купаться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Журнальная редакция

Вм. 309—316 Это право человека
Кто вам дал? От естества
Неестественность такая?
Или разум неразумен?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Строфа из рукописной редакции

На земле, как мы от века
Божий скотный двор прозвали,
Ясли есть для всякой твари,
А в яслях — полно кормежки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Журнальная редакция

Вм. 457—460 Вишь, пронию открыли
И смеются, — на слащавость
Этих складок возле пасти
Не могу смотреть спокойно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Журнальная редакция

Вм. 673—680 Мы со временем доложим,
Как исполнил эту клятву
Юноша, в немецких землях
Став медведем с направленьем.

Он внушает ужас людям
А особенно каменам,
И рычит, и свирепеет,
И пожрать нас всех грозитя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рукописный вариант

Точно мантия, на горы
Полночь звездная упала, —
Словно черный горностаи
С хвостиками золотыми.

Разумеется, скорняк
Спятил, крася черной краской
Горностаи и золотыми
Сделав хвостики из черных.

Удаvisь! — не ты придумал,
Фрейлиграт, роскошный троп,
Где на черном горностае
Хвостики сверкают златом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Журнальная редакция

Вм. 1025—1028 Ах, и ныне отвращенье
У басконок есть к каготам,
Но неведомо и ныне,
В чем причина этой злобы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Журнальная редакция

Вм. 1169—1172 На меня они взирают
Горестно, нетерпеливо
И вот-вот как будто клювы
Распахнут, не размышляя.

И людскими голосами
Изольют свои печали,
Взмолятся об избавленьи
Из колдуньинной неволы.

Рукописный вариант

Вм. 1189—1196 Что за ночь была! Не смею
Рассказать про все, что видел:
Может публика подумать,
Будто я и вовсе дурень,

Если даже не мерзавец,
И зову к средневековью,
Не открыв народу правду,
В соответствии с моментом!

Хорошо, когда не скажут,
Что веду я, маскируясь,
Пропаганду превосходства
Католического духа.

Ах, недавно мне случилось
Быть в довольно грубой форме
Обвиненным в ретроградстве,
Черпосотенстве, лакействе.

Но толкает бес проклятый
В жертву принести остатки
Популярности давнишней
И поведать все как было.

Я в последующих главах
Расскажу, что я увидел
Из окошка старой ведьмы,
Глянув ночью на долипу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Журнальная редакция

Вм. 1547—1552 Посмеемся, позабавлю
Я тебя словечком острым

Или сочным апельсином.
Мы и сами не заметим, —
Ночь промчится. Днем, однако,
Я приду к твоей могиле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Журнальная редакция

Вм. 1577—1580 «Тридцать шесть корон меняю
На обыкновенный зонтик!» —
Горько я стонал, а ливень
Тек на грудь ко-мне, как слезы.

Вм. 1655—1658 И взамен сумбурных бредней
(Быль с приправой сумасбродства)

Крепкий сон пришел — с надежным
Основаньем, с твердой почвой,
Четкий, тщательный, пластичный, —
Мне всегда такое снится.

Вместо ведьминой лачуги
Я стоял в парадном зале.

После главы 18 журнальной редакции
(в окончательном тексте — 22)
в качестве главы 19

Я сидел, отдавшись мыслям,
У плиты в лачуге ведьмы,
По соседству мопс почтенный
Варево мешал в кастрюле.

Подтолкнуло любопытство,
Или я проголодался,
Но, отняв у мопса ложку,
Я поймал в кастрюле мясо.

Оказалось, это сердце,
Сваренное превосходно,
Чуть я проглотил кусочек,
Чей-то голос раздается:

«Вот немецкий объедала!
Уминает сердце вора,
Висельника из Толозы!
Что ни дай, он все умнет!».

Первым среди птичьих чучел
Эти речи начал коршун,
Прочие бурчали хором:
«Вот немецкий объедала!».

Кто отведал сердце вора,
Видно, тотчас разумеет
Птичий свист и щебетанье;
Сказка обернулась былью.

С той минуты стал я сведущ
В разных птичьих диалектах

И отлично понимаю
Даже речи мертвых чучел.

Стук доносится снаружи,
Я спешу открыть окошко, —
Крупных воронов семерка
К ведьме в логово влетает.

Льнут к огню и когти греют,
В необузданном порыве
Машут черными крылами
И бранят кого попало.

Больше прочих достается
Жидовину Мендисаблю
За борьбу с монастырями,
Их пристанищем любимым.

«Где, — справляются, — дорога
На Monacho Monachogum?».
— «Это за угол налево.
Благ да будет патер Иозеф!».

Но недолго эмигранты
У огня обогрелись
И в открытое окошко
Унеслись, расправив крылья.

Вылетали и влетали
Разноперые пичуги,
Стала хижина трактиром
Для пернатых вояжеров.

Тут и аисты, и лебедь
И сова, что прокликает

Никудышную погоду,
Солнцепек и дух безверья.

Пеликан здоровьем слабый
Прилетел как подопечный
Двух гусынь, ему в полете
Помогавших бескорыстно.

Обогрел он грудь больную
И, взглянув с пренебреженьем
На свиное семейство,
Выпорхнул через оконце.

У огня заворковали
Голуби; пощebetали,
Посмеялись, отдохнули
И продолжили дорогу.

Прилетел удод последним,
Кудерукий, длинноногий,
Увидал меня и фыркнул:
«Не узнал дружка Хут-Хута?».

Я и сам невольно приснул, —
Тридцатью веками раньше
Был Хут-Хут, мой друг давнишний,
Государевым курьером.

Наш Хут-Хут от Соломсна
С доверительным посланьем
Приезжал к царице Савской,
Чаровнице Балканзе.

Царь по дивным описаньям
Воспылал к царице страстью;

Увлеклась она премудрым,
Чья премудрость всем известна.

Задавать они загадки
Принялись один другому,
И по выжженной пустыне
С письмами Хут-Хут носился.

Утомившись от загадок,
Въехала в Ерушалаим
Покрасневшая царица
И — в объятия к Соломону.

Царь прижал царицу к сердцу,
Молвя: «Главная загадка —
Это, деточка, любовь,
Мы решать ее не станем».

Мне и вправду старым другом
Был Хут-Хут, представший ныне
В чародейной атмосфере
Обиталища Ураки.

Старый друг! Он оказался
Все таким же! Как с тупеем,
Он степенно выступает
С гребешком на голове.

Заложил одну ходулю
За другую и, как прежде,
Стал выбалтывать мне сплетни
О житье-бытье дворцовом.

Рассказал о том, что раньше
От арабского поэта

Я слышал, — как ангел смерти
Был повержен Соломоном.

Выжил царь и, став бессмертным,
Ныне жив и в Джиннистане
Правит духами, подобно
Абсолютному монарху.

«И царица Балкаиза, —
Рек Хут-Хут, — жива поныне
Под защитой галисмана,
Ей подаренного милым.

Резиденцией ей стали
Эфиопские нагорья,
Но царица с Соломоном
Не прервала отношений.

Оба, впрочем, постарели,
Поостыли, но частенько
Письма шлют один другому
И, по-прежнему, загадки.

Как ребенок, Балкаиза
Рада, коль ее загадку
Царь, хоть голову ломает,
Все равно решить не в силах.

Дразнит милого царица,
Говорит, что он под старость
Выжил из ума, любовно
Кличет «шляпа» или «Шеллинг».

Но и сам подруге давней
Заготовил царь орешек,

Я недавно переправил
К ней вопрос головоломный:

«Кто подлец наиподлейший
На три дюжины германских
Государств, на всех немецких
Беспардонных подлецов?».

С той поры фамилий сотню
Назвала царю царица,
Но опять он отвечает:
«Деточка, подлеи найдется».

Балкаиза приуныла,
Всю Германию обшарить
Норовят ее посланцы,
А загадке нет решенья.

Стоит подлеца какого
Объявить ей самым подлым,
Соломон сейчас же пишет:
«Деточка, подлеи найдется».

Понял я и подал голос:
«Милый друг, придется долго
Добиваться Балкаизе,
Кто в Германии подлейший».

*Рукописная редакция
последующего текста*

«В дорогой моей отчизне
Подлость в стадии прогресса,
И у многих есть охота
Лавров подлеца добиться».

Мне вчера казался * * *
Всех подлей, но он сегодня
Пал до унтер-подлеца
По сравненью с * * *.

Может, завтра же газеты
Архиподлеца объявят,
Переподличавшего
Подлость нашего * * *».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Журнальная редакция

Вм. 1861—1864 Как всегда уселся старый
У детей своих в берлоге,
Примостившись по соседству,
Спят сном праведников детки.

После 1864 Только младший, Одноухий,
Бодро слушает папашу,
Разбирающего мрачно
Свойства племени людского.

«Ах, сынок, всего страшнее
Спесь, с которой эти твари
Свысока перелагают
Всю историю земную.

Ни о ком из нас и речи
Нет у них; припомнят разве
Имя лошади, влачившей
На себе их короля.

Человек, решившись даже
Воспевать в своих поэмах
Близкородственных животных,
Остается себялюбом.

Даже в песнях, точно в жизни,
Наших прав он нас лишает,
И его субъективизм
Проступает в каждой строчке.

Вызвавшись воспеть медведя,
Про себя лишь он болтает,
Славя собственную дурость
И мечты свои пустые».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Журнальная редакция

Вм. 2013—2024 Драгоценно станет внукам
Это имя. Предрассудки
Отойдут, и будет принят
Он со временем в Валгаллу.

Рукописная редакция последующего текста

Бюст его меж Францем Листом
Возведут и Фанни Эльслер,
И воздаст ему, как должно,
Стиль предельно лапидарный:

«Атта Троль, медвежий рыцарь,
Порожденье Пиренеев,
Переявший у французов
Склад ума, а у испанцев

Жар души; крихтя от злости,
Тешил танцем чернь на рынках;
Временами портил воздух;
Не талант, зато характер».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Рукописная редакция

Вм. 2213—2216 Да, приятель, здесь поется
О мечте давно разбитой,
Хоть новейшие варьанты
Возникают в старой теме.

Журнальная редакция

Вм. 2233—2244 Скачут у границ германских,
Машут хилыми крылами,
Куценоги, сиповаты, —
Шуму много, шерсти мало.

Реют белые вороны
Толпами, и раздается
Днем и ночью: «Входят галлы!
Охраняйте Капитолий!».

Смена птицам — смена песням!
Я вчера прочел в газете,
Будто Тик в параличе
И советником назначен.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЭМА ГЕНРИХА ГЕЙНЕ «АТТА ТРОЛЬ»

Поэма Гейне «Атта Троль» знаменует вместе с написанной вслед за ней «Германией» кульминацию творческой зрелости поэта.

Позади были десять лет изгнания — сначала добровольного, затем, после запрещения сочинений Гейне в Германии, вынужденного. В 1831 г. Гейне, окрыленный известиями об Июльской революции 1830 г., приехал в Париж. Последующее десятилетие — это годы интенсивной литературной работы, в которой, однако, журналист и литературный критик явно отодвигает на второй план поэта. В этот период Гейне пишет серию корреспонденций для аугсбургской «Всеобщей газеты», вышедших потом в виде отдельной книги «Французские дела»; «Романтическую школу», в которой дает характеристику только что завершившемуся периоду в истории немецкой литературы; книгу «К истории религии и философии в Германии». Он посвящает ряд статей французской литературе и искусству, одновременно пристально следит за событиями общественной и литературной жизни на родине и живо откликается на них.

Германия 1830-х годов все еще представляла собой конгломерат тридцати шести отдельных госу-

дарств, сохранивших тягостные особенности феодального мелкочервья. Созданный в 1834 г. Таможенный союз не мог разрешить эконолических проблем, вытекавших из вековой раздробленности страны. В сфере духовной жизни царил жесткий контроль, осуществляемый цензурой. Всякое проявление свободомыслия строго каралось.

В этой атмосфере политической реакции обозначились характерные тенденции развития общественной мысли и литературы, по-разному отразившиеся в творчестве Гейне. Это, с одной стороны, подъем националистических настроений, тевтономания, культ «истинно германских» традиций и добродетелей. С другой стороны — либеральная оппозиция, в достаточной степени беспочвенная и абстрактная. И то и другое становится постоянной темой политической поэзии Гейне и составляет идейную основу сатирической поэмы «Атта Троль».

Еще в первой части «Путевых картин» — «Путешествии по Гарцу» (1826) — Гейне вывел эпизодическую фигуру студента-тевтогомана в «рыцарском берете», с длинными грязными нечесанными волосами, сочиняющего поэму об Арминии и хранящего в медальоне на груди прядь волос из хвоста лошади Блюхера. Десятилетием позже этот гротескный габросок приобретает черты реального лица и превращается в публицистически заостренный сатирический портрет идейного вождя тевтономанов Масмана.

Предметом сатирического обличения становится и реакционный критик и историк литературы Вольфганг Мендель, сыгравший недвусмысленную роль в официальных гонениях на прогрессивных писателей. На основании критических статей Менделя, являвшихся неприкрытыми политическими доносами, немецкий

бундестаг принял в декабре 1835 г. решение, налагавшее официальный запрет на сочинения писателей либерально-оппозиционного объединения «Молодая Германия» и Гейне. В 1837 г. Гейне напечатал в качестве предисловия к своей книге «Салоны, часть 3-я» статью «О доносчике», в которой разоблачал позиции Менцеля и его деятельность. Националистическая демагогия и ханжество Менцеля, игравшего на их популярности у немецкого обывателя, послужили одной из главных сатирических тем поэмы «Атта Троль».

Однако к началу 1840-х годов обозначился и второй объект сатиры Гейне — либерально-оппозиционная литература, с которой еще несколько лет назад его до известной степени объединяла общность позиций и общность судьбы. Отношение Гейне к этому течению и его различным оттенкам и группировкам не столь однозначно и требует более пристального рассмотрения.

Около 1840 г. в немецкой поэзии наблюдается заметное оживление интереса к политической и общественной тематике. Один за другим выходят сборники поэтов, знаменующие поворот от «чистой» лирики в сторону поэзии гражданской и злободневной. Это «Песни космополитического ночного сторожа» Фр. Дингельштедта (1840), «Аполитичные песни» Гофмана фон Фаллерслебена (2 т., 1840—1841), «Стихи живого» Г. Гервега (1841). Сходный процесс наблюдается несколько ранее в немецкой прозе — писатели «Молодой Германии», выступившие в 1830-е годы, решительно противопоставляют себя «эстетическому периоду» немецкой литературы, завершившемуся со смертью Гёте, и видят своих духовных вождей в радикально настроенном публицисте Людвиге Бёрпе и Гейне.

Между тем уже в начале 1830-х годов между обоими писателями, находившимися в эмиграции

в Париже, наметились серьезные расхождения как идейного, так и личного характера. В «Парижских письмах» (письмо 109 от 25 февраля 1833 г.) Бёрне подверг Гейне резкой критике. Он обвинил его в политической неустойчивости, в лавировании между противоположными лагерями, в приверженности к «чистой» поэтической форме. Здесь, как и во многих других сочинениях Бёрне, присущая ему бескомпромиссность суждений граничила с догматизмом и сектантством — чертами, верно отмеченными Гейне в его книге «Людвиг Бёрне» и обозначенными им термином «назарейство». В гротескно заостренном виде они вошли как составная часть в образ медведя Атта Троля — героя сатирической поэмы Гейне.

Иначе складывались отношения Гейне с молодыми немецкими поэтами либерального направления. Если при всем отчуждении от Бёрне и неприятии его взглядов Гейне не мог не ощущать их масштаба и значительности, то в политической поэзии на рубеже 30-х и 40-х годов его раздражала наивность политических иллюзий, абстрактность лозунгов и фразеологии. Это отчетливо выступает в «Современных стихотворениях», написанных в 1841—1844 гг., то есть параллельно с работой над «Атта Тролем». В стихотворении «Тенденция» (1842) Гейне обращается к немецкому «барду» с ироническим призывом:

Пой, труби, звеня тревожно,
Гнев к тиранам пей до дна,
Лишь таким и стань поэтом,
А в стихах держись при этом
Общих мест — насколько можно!

(Пер. Вс. Рождественского).

В первом из ряда стихотворений, обращенных к Герогу Гервегу (1841), Гейне пишет:

Железный жаворонок, Герверг,
Ты так высоко залетел в небеса,
Что нашей земной не видишь хмури,
И только в твоей стихотворной дури
Весна уже творит чудеса!

(Пер. Л. Петьковского).

Патетические разглагольствования о свободе, риторический пафос, в котором растворялось и исчезало сколько-нибудь серьезное содержание, получил свое пародийное воплощение в монологах «медведя идеи», а их истинная оценка — в исполненных горечи словах предисловия к «Атта Тролю», написанных четыре года спустя, в 1846 г.: «А безупречные борцы за правду и свет, винившие меня в недостатке стойкости и раболепстве, тем временем в полной безопасности передвигаются по родной земле как щедро оплачиваемые государственные служащие, или сановники различных корпораций, или завсегдашн клуба...».

Итак, «Атта Троль» создавался в атмосфере борьбы и идейного размежевания со вчерашними союзниками. Внешним толчком к этому размежеванию послужила бурная реакция на книгу Гейне «Людвиг Бёрне», вышедшую в 1840 г., через три года после смерти Бёрне. Наряду с принципиальной полемикой она содержала и личные выпады, вызвавшие недовольство среди писателей, считавших себя последователями и единомышленниками Бёрне. Они обрушились на Гейне с обвинениями в отступничестве, в измене делу свободы и демократии, в аристократическом «эстетизме». «Атта Троль» явился полемическим ответом на эти обвинения, а «Германия. Зимняя сказка» и «Современные стихотворения» еще раз подтвердили со всей очевидностью истинное политическое кредо их автора.

* * *

Обоюдоострая направленность поэмы Гейне закономерно ставит перед нами вопрос — как можно было объединить в одном сатирическом образе столь разные идейные течения? Ибо два объекта сатиры присутствуют в поэме не обособленно, а слитые воедино в образе ее четвероногого героя.

В предисловии и в программных строфах третьей главы Гейне дает ключ к этому объединению: музы как «маркитантки свободы» и «прачки христианско-германского национального духа», Пегас как «ломовая лошадь добродетели мещанской» и «скакун партийных стычек, ржущий, топоча копытом» — воплощают принцип утилитарной поэзии, ограниченный прагматизм, в одинаковой степени свойственный мелкобуржуазным либералам и воинствующим реакционерам. Насколько важна была для Гейне полемика с этим плоским прагматизмом, явствует из тех переделок, которым подверглась первая строфа третьей главы, представляющая собой открытый вызов узкотенденциозной поэзии (см.: Варианты, с. 95—96):

Сновиденье летней ночи, —
Песнь моя не знает цели,
Как любовь, как жизнь людская,
Как творец с его твореньем.

В окончательной редакции она звучит почти как автоситата: упоминая в «Романтической школе» (кн. 1) о критике, которой подвергся в последние годы своей жизни Гёте, Гейне приводил в качестве контраргумента слова «гётеанцев», что «укрепление нравственности, которого требуют от произведений Гёте, ни в коем случае не является целью искусства, ибо ис-

куство не имеет никаких целей, подобно самому мирозданию, в которое лишь человеческая мысль вкладывает понятие «цель и средство». ¹

«Бесцельность» поэзии, которую Гейне обосновывает в дальнейшем ходе рассуждения относительностью и изменчивостью нравственных истин, предстает в цитированной выше строфе «Атта Троля» в одном ряду с такими исполненными глубокого смысла понятиями, как любовь, человеческая жизнь и мироздание. Эта окончательная редакция, опирающаяся на более развернутое рассуждение в «Романтической школе», ясно свидетельствует о том, что полемика с «тенденциозной» поэзией как либерального, так и консервативного толка отнюдь не означала для Гейне перехода на позиции «чистого» искусства, как их сформулировал впоследствии парижский друг Гейне поэт Теофиль Готье. Сам Гейне недвусмысленно выразил это в предисловии к «Атта Тролю»: «... именно потому, что эти идеи неизменно предстают поэту в прекрасной чистоте и величии, некротимый хохот охватывает его, когда он видит, как бестолково, грубо и пошло понимают их узколобые современники».

С этой же проблемой связана и пресловутая антитеза «таланта и характера», которая вновь приводит нас к Гёте. Антитеза эта, впервые прозвучавшая в «Торквато Тассо» (см. примеч. 12), имела для драмы Гёте структурно-организующее значение: противопоставление поэта Тассо («таланта») и государственного деятеля Антонио («характера») отражало трагическую внутреннюю раздвоенность самого Гёте

¹ Гейне Г. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. 7. М.—Л., 1936, с. 191; курсив наш.

в первые десятилетия его веймарской жизни. Преодоление этой противоположности ценой самоограничения в обеих сферах, утверждение внутренней цельности и гармонии ценой «индифферентизма», о котором говорит Гейне в «Романтической школе», было яростно отвергнуто поколением 1820-х годов, прежде всего теми, кто не мог простить Гёте его сдержанной позиции в эпоху национального подъема и борьбы против Наполеона. Об этом достаточно ясно сказал сам Гёте в разговоре с Эккерманом (14 марта 1830 г.): «Я прекрасно знаю: для многих я как бельмо на глазу, и они охотно избавились бы от меня, а так как теперь уже нельзя нападать на мой талант, они нападают на мой характер».²

Вспоминая об этой ситуации, Гейне писал в «Романтической школе»: «Индифферентный пантеист сделался предметом нападков с противоположных сторон; выражаясь по-французски, против него заключили союз крайняя правая и крайняя левая, и между тем как черный поп колотил его распятием, неистовый санкюлот лез на него с пикой».³

Когда Гейне писал эти слова в 1833 г., он не подозревал, что они окажутся пророческими, и он сам через несколько лет очутится в таком же положении.⁴ В 1846 г. это сходство представлялось ему уже совершенно очевидным — не случайно в предисловии к «Атта Тролю» всплывает слово «мятеж» (Emeute),

² Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. М.—Л., 1934, с. 814.

³ Гейне Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 197.

⁴ Ср. по этому поводу: Kaufmann Hans. Heinrich Heine. Geistige Entwicklung und künstlerisches Werk. Berlin—Weimar, 1967, S. 64.

которое он употребил в начале «Романтической школы», говоря о нападках на Гёте.

Эволюция взглядов Гейке на проблему «талант—характер» может быть измерена эволюцией его отношения к Гёте и его критикам. В ранней рецензии на книгу Менцеля «Немецкая литература» (1828) Гейне при всех почтительных оговорках по адресу Гёте решительно заявлял: «Принцип гётевского времени, идея искусства, рассеивается, восходит новое время с новыми принципами, и, странно (...) оно начинается с восстания против Гёте».⁵ В «Романтической школе», написанной сразу же после смерти Гёте, звучит уже новая нота: «И вот, Гёте умер, и странная боль охватывает мое сердце».⁶ В «Атта Троле» мимолетно мелькнувший в сцене дикой охоты образ «нашего Вольфганга» (глава 18) предстает уже в ином свете, в ином контексте — как образ «великого язычника», жизнелюбивого «эллина» в том значении, которое Гейне вкладывает в это слово. А критики Гёте представлены совершенно недвусмысленной фигурой реакционного теолога Генгстенберга, осуждавшего Гёте за «безнравственность». Антитеза «талант—характер», или — иначе выраженная — «искусство—общественная борьба», уступает место другой анти-тезе — «эллины—назаряне», которая, начиная с книги «К истории религии и философии в Германии», приобретает все большее значение для Гейне. Фанатическая приверженность догме — религиозной или политической, аскетизм и жажда мученичества, нередко перерастающая в позу, нетерпимость и узость воз-

⁵ Гейне Г. Полн. собр. соч., т. 5. М.—Л., 1937, с. 322—323.

⁶ Там же, т. 7, с. 157.

зрений, — эти черты составляют для Гейне понятие «назарейнин», которое он не прикрепляет ни к определенному вероисповеданию, ни к определенной эпохе в истории человечества. Точно так же и понятие «эллин» включает (в главах 18 и 19 поэмы), наряду с «героями духа» Гёте и Шекспиром, фольклорный образ фен Абунды, которая, «опасаясь назарейн, целый день на Авалуне в безопасности проводит». «Назарейство» враждебно не только чувственным радостям, оно не приемлет и смеха, ему недоступно чувство юмора — эта тема развернута в главе 7, в патетическом монологе медведя, у которого смех как истинное проявление человеческой природы вызывает негодование и ненависть.

Таким образом, сатира в «Атта Троле» охватывает широкий круг явлений общественного и философского порядка, тесно связанных с современными Гейне спорами и борьбой. Рассмотрим более пристально важнейшие из них, ибо они служили и ныне служат поводом для весьма разноречивых истолкований.

Так, монолог Атта Троля о равенстве (глава 5) интерпретируется некоторыми современными исследователями как свидетельство антидемократических и «антикоммунистических» позиций поэта.⁷ Между тем демагогические речи медведя, провозглашающего всеобщее равенство животного мира в противовес «аристократическим привилегиям», присвоенным человеком, явно направлены против идей Бёрне и его сторонников с их уравнилельным мелкобуржуазным ра-

⁷ См., например, статью: Sengle Fr. «Atta Troll». Heines schwierige Lage zwischen Revolution und Tradition. — In: Internationaler Heine-Kongreß 1972. Hamburg, 1973, S. 44.

дикализмом. Воскрешение просветительской фразеологии, апелляция к природе и разуму («Естество не порождает неестественность такую») звучит анахронизмом в эпоху Июльской монархии, отчетливо обнажившей новые социальные конфликты. Идея равенства, провозглашенная Великой французской революцией, свелась «к гражданскому равенству перед законом» (Энгельс) и на фоне социальной борьбы XIX в. обнаружила свою ограниченность. Это прекрасно понимал Гейне, сблизившийся в первые годы своего пребывания в Париже с сенсимонистами и воспринявший их учение.

Другая политическая иллюзия мелкобуржуазных радикалов дискредитируется в гротескной картине едипения звериного царства в борьбе против общего врага — человека (глава 6). Опыт десятилетия, предшествовавшего написанию поэмы, разногласия, обострившиеся среди немецких писателей либерального и радикального направлений, перегруппировка сил и политических симпатий, особенно ясно выступившая на поверхность после выхода книги Гейне о Бёрне, определили как общественно-политический, так и личный смысл этой главы.

Тема равенства в том виде, как она развернута в 6-й главе, связана с исходным пунктом расхождения между Гейне и Бёрне — отношением к искусству. Уравнительные идеи Бёрне представлялись автору «Атта Троля» наступлением на духовные ценности, на их носителей и творцов, на сферу «таланта», пуританским отрицанием эстетической культуры:

Там отцы внушают детям
Лженаучные доктрины,
Норовящие культуру
И гуманность уничтожить.

Выступая с позиций этой гуманности, Гейне пародирует обвинения в отступничестве и измене демократическим идеалам в заключительных строках главы 5:

И со всей скотиной прочей
Поведу я беззаветный
Справедливый и священный
Бой за право человека.

Гротескно искаженной картине равенства Гейне противопоставляет другой лозунг Французской революции — братство. Тема эта появляется в главе 15, не связанной непосредственно с героем поэмы, а включенной в «авторскую» линию повествования. Поэт наталкивается в горах на жилище «отверженного» племени каготов:

С открытым сердцем
Руку протянул я брату
И поцеловал ребенка...

Этот жест, как и весь эпизод, приобретает (при всей точности изобразительных деталей) обобщенно-символическое значение: карикатурному единению слонов и носорогов, волков и зайцев противостоит братское единение людей вопреки «темному наследью темноты религиозной».

В ряду «идеологических» проблем, предстающих в пародийно-сатирическом освещении, выступает и проблема религии и ее критики в современных философских учениях. В момент, когда была написана поэма Гейне, ряд философов-младогегельянцев выступил с критикой догматической религии. Начало этой критике положила книга Д. Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса» (1835—1836). В 1840 г. вышли сочинения

Бруно Бауэра «Критика евангельской истории Иоанна» и «Критика синоптического евангелия», а в 1841 г. — «Сущность христианства» Л. Фейербаха. Книги эти были очень различны и по задачам, и по масштабу поставленных проблем (сам Фейербах писал об этом в предисловии ко второму изданию в 1843 г.).⁸ Книга Фейербаха намного превосходила по своему значению труды Бауэра и Штрауса.⁹ Однако в сознании благочестивого немецкого филистера все они воспринимались одинаково — как выступления атеистические. Это восприятие иронически воспроизведено в монологе Атта Троля, обращенном к сыну (глава 8). Как и в других случаях, сатира Гейне здесь направлена одновременно против «христианско-германских» обывателей и против догматических радикалов, последователей Бёрне, с их неприятием материалистических и атеистических воззрений (сам Бёрне в последние годы жизни увлекся идеями христианского социализма и перевел на немецкий язык книгу Ламменэ «Слова верующего», 1834).

Сетования медведя по поводу того, что даже «лучше из лучших... немцы, родственники наши... при-

⁸ Фейербах Л. Избранные философские произведения, т. 2. М., 1955, с. 26.

⁹ «Тогда появилось сочинение Фейербаха „Сущность христианства“. Одним ударом рассеяло оно это противоречие, снова и без обиняков провозгласив торжество материализма <...> Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами» (Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 280—281).

зывают к атеизму», через два года будут повторены в сатирическом стихотворении Гейне «Мир навыворот»:

Германский медведь атеистом стал,
Не хочет больше молиться.

Пародийный эффект монолога Атта Троля, его предостережений против атеизма усиливается тем, что излагаемая им собственная религиозная концепция составлена по рецепту Фейербаха: представляя бога в образе белого медведя, Атта Троль в гротескной форме воспроизводит антропологическую теорию происхождения религии, выдвинутую Фейербахом.

* * *

Особое место занимает в поэме чисто литературная сатира. Она направлена в основном против так называемой швабской школы поэтов, позднеромантического эпигонского направления, уже не раз служившего предметом насмешек Гейне. Еще в стихотворении «Тапгейзер» (1836 г., опубл. 1837) швабской школе посвящена прощеская строфа:

Я в Швабии школу поэтов нашел,
Младенцы — ну просто прелесть!
На них колпаки с бубенцами на всех,
И все на горшочки уселись.

(Пер. П. Карна).

Ответная реакция не заставила себя ждать — в 1838 г. в первом номере журнала «Deutsche Vierteljahrsschrift», издаваемого Менцелем, появилась обширная и очень резкая статья швабского поэта Гу-

става Пфифера «Сочинения Гейне и тенденция». Гейне ответил на нее статьей «Швабское зеркало», напечатанной в начале 1839 г. в журнале «Литературный ежегодник», выходявшем под редакцией Карла Гудкова у Гофмана и Кампе — постоянных издателей сочинений Гейне. Текст статьи подвергся значительным сокращениям, которые издатели журнала приписали вмешательству цензуры. Однако содержание статьи, далекое от политических и религиозных вопросов, делало это объяснение весьма сомнительным, и Гейне заявил об этом в открытом письме в газету «Мир изящного». Инцидент этот привел к серьезной размолвке Гейне с Гудковым.

В «Швабском зеркале» Гейне дает уничтожающую характеристику поэтам «швабской школы» Юстинусу Кернеру, Карлу Майеру, Густаву Пфиферу и их главному теоретику — Вольфгангу Менцелю. Он подчеркивает, что мотивы, образы, поэтика «швабской школы» принадлежат прошлому и в меланхолически провинциальном масштабе варьируют наиболее реакционные стороны романтизма — мистику и культ средневековья. В «Атта Троле» эта тема всплывает в главе 22, где выведен швабский поэт, колдовскими чарами превращенный в мопса (подразумевается, по-видимому, Густав Пфифер). Здесь, как и во многих других случаях, мы имеем дело со своеобразной «автоцитатой»: в «Швабском зеркале» Гейне сравнивает нападку швабских поэтов с таяканием собак, в котором «мопс заглушает шпица, шпиц таксу» и т. д. Традиционный (идущий еще от литературы XVIII в.) образ «пса-рецензента» получает в этой главе пародийное сюжетное воплощение, обрастая рядом дополнительных реминисценций — средневековый мотив колдовства и спасения затравленного героя с помощью са-

моотверженного подвига чистой девы, противопоставление распутной колдуньи — Ураки целомудренному поэту. Последнее дает Гейне повод вмонтировать в пародийный монолог мопса цитату из письма Гёте по поводу присланных ему стихотворений Густава Пфизера: «Удивительное дело, как ловко эти господа умеют набросить себе на плечи нравственно-религиозно-поэтическое рубище, так что если даже наружу выглядывает локоть, эту прореху следует считать поэтическим замыслом».

Вместе с тем поэма Гейне свидетельствует о том, что его отношение к романтизму в целом претерпело существенные изменения по сравнению с остро полемической «Романтической школой».

Сам Гейне дважды говорит об этом — в заключительной главе, обращенной к Фарнгагену фон Энзе, он называет свою поэму «последней лесной песнью романтики свободной», а в предисловии пишет: «Я писал ее для собственного удовольствия и потому в своенравно-фантастической мапере той романтической школы, в которой я провел лучшие годы молодости, а напоследок избил учителя...». Еще определеннее высказался Гейне в письме к Генриху Лаубе от 20 ноября 1842 г. при посылке второй части поэмы: «В этой второй части я пытался вновь возродить старую романтику, — которую сейчас хотят до смерти забить дубиной, — но не в мягкой, музыкальной манере старой школы, а в предельно дерзкой форме современного юмора, который может и должен воспринять в себя все элементы прошлого. Однако элемент романтики, возможно, слишком ненавистен нашей эпохе, в нашей литературе он уже закатился, и в поэме, которую я вам посылаю, романтическая

муза, быть может, навсегда прощается со старой Германней!».¹⁰

Эти слова ясно свидетельствуют о том, что «Атта Троль» не означает ни возврата к романтической идеологии, ни тем более механического воспроизведения романтических штампов (они фигурируют в поэме лишь в специфической пародийной функции). Романтическая струя в «Атта Троле» выступает прежде всего в причудливом сочетании разнородных элементов художественной структуры, скрепленных лирическим восприятием самого поэта, в утверждении авторского «я», свободно перемежающего разноплановые эпизоды поэмы и сталкивающего различные стилистические тональности для создания пронического эффекта.

Ирония, пронизывающая всю поэму, проявляется прежде всего в ее многоплановой жанровой структуре. В «Атта Троле» переплетаются две жанровые традиции: одна восходит к ренессансной поэме, трактуемой в шутовском, озорном духе подвиги высоких эпических героев, другая — к средневековому звериному эпосу.

Звериные маски, издавна служившие формой аллегорического выражения человеческих пороков, обрели свое классическое воплощение и вместе с тем новый смысл в сатирической поэме Гёте «Рейнеке Лис» (1793). Примечательно, что современники сразу же ассоциировали поэму Гейне с комическим эпосом Гёте. Так, в рецензии на отдельное издание «Атта Троля» (приложение к «Всеобщей газете» от 2 апреля 1847 г.) рецензент писал: «У нас есть настоящий Рей-

¹⁰ Гейне Г. Полн. собр. соч., т. 11. М.—Л., 1935, с. 455.

неке, и слава богу!»¹¹ Были, однако, и более близкие и по времени, и по художественным особенностям образцы — вспомним хотя бы «Житейские воззрения кота Мурра» Э. Т. А. Гофмана, где пародийная техника во многом превосходит поэму Гейне. Возможно, наконец, что окончательным толчком для обращения к звериной маске послужил сборник «Сцены из частной и общественной жизни животных» («Scènes de la vie privée et publique des animaux», 1842), выпущенный группой французских писателей (в их числе были Жорж Санд, Альфред де Мюссе и Бальзак).¹² Однако используя традиционный прием звериной маски, Гейне коренным образом переосмысляет его, наполняя совершенно новым, злободневным содержанием, в котором обобщенно-типизованные черты сочетаются с портретными зарисовками.

Связь «Атта Троля» с шуточной ренессансной поемой, восходящей к «Неистовому Роланду» Ариосто, текстуально подтверждается начальными строфами заключительной, 27-й главы. И не случайно местом действия поэмы избрано Ронсевальское ущелье, дающее повод для комически-пародийного сопоставления Атта Троля с Роландом (главы 4 и 24). Композиционный принцип ренессансной поэмы, идущий вразрез с канонами классической эпопеи, — переплетение нескольких независимых друг от друга сюжетных линий, — присутствует и в «Атта Троле», но в модифицированном виде, подсказанном традицией романтической поэмы XIX в.: сюжетная линия героя — его бегство из плена, возвращение домой и гибель — пе-

¹¹ Цит. по: Sengle Fr. «Atta Troll». Heines..., S. 26.

¹² Ср.: Reynaud L. La source française d'Atta Troll. — Rev. germanique, 1914, 10.

рекрецируется с линией автора, отправляющегося на охоту за Атта Тролем. Однако реальное наполнение этой второй линии сюжета совершенно самостоятельное: экзотический горный пейзаж, пронизанный романтическим восприятием поэта, жанрово-бытовые зарисовки в главах 11—14, пародийная 22-я глава (встреча с заколдованным мопсом) создают стилистическое и композиционное разнообразие авторской линии. В центре ее стоит «сон в Иванову ночь» (главы 18 и 19) — картина дикой охоты с фантастическим видением романтической возлюбленной — безумной Иродиады.

Однако в отличие от ренессансной поэмы в «Атта Троле» гораздо сильнее ощущается пародийное использование жанровых и стилистических канонов высокой классической эпопеи. В главе 4 сам автор подсказывает читателю сопоставление героя с Одиссеем, а глава 22 явно пародирует эпизод из 10-й книги «Одиссеи» (приключение на острове волшебницы Цирцеи, превратившей спутников Одиссея в свиней). Ту же функцию несут и структурно значимые стилистические клише высокого эпического жанра — украшающие постоянные эпитеты, развернутые «гомеровские» сравнения, тут же разрушаемые упоминанием «звериных» атрибутов героя, мифологический аппарат, сниженный реалиями современного быта. Однако пародирование эпической традиции не является здесь самоцелью, а лишь средством высмеивания других объектов, как литературных, так и внелитературных.

К числу первых относятся, в частности, «драма рока» Грильпарцера «Праматерь» и «Мавританский князь» Фрейлиграта, присутствующий в «Атта Троле» в виде эпитафии, многочисленных пародийных цитат и отдельных сюжетных реминисценций. Так, в гла-

ве 26, представляющей сюжетную развязку поэмы — встречу автора с вдовой Атта Троля, черной Муммой, — неожиданно появляется герой Фрейлиграта. Гейне использует здесь излюбленный прием иенских романтиков, служивший проявлением «романтической иронии», — совмещение реального плана повествования (прогулка поэта с женой в Парижском зоологическом саду) и художественной фикции — беседы с заведомо литературным персонажем, да еще к тому же другого автора. И все же ирония Гейне здесь принципиально отличается от «романтической иронии» иенских романтиков. При всем субъективизме и кажущемся произволе «игрового» подхода к материалу, она не разрушает, а лишь особым образом организует его.

Важным элементом сатирической «инструментовки» поэмы служат многочисленные пародийные цитаты из Шекспира, Лессинга, Шиллера. Помимо общей комической функции — несоответствия, возникающего между высоким патетическим стилем этих цитат и той ситуацией, в которой они выступают, — они несут еще и вторичную нагрузку: Гейне высмеивает мещанское опошление высоких идей и речений, превратившихся в устах филистера в набор банальных общих мест.

Наряду с пародийными приемами в «Атта Троле» присутствует и стилизация, имеющая целью создание национального испанского колорита. Она проявляется прежде всего в выборе метрической формы поэмы: «Атта Троль» написан четырехстопным перифонованным хореем — размером испанских романсов о Сиде. Гейне и в более ранних своих стихотворениях не раз избирал этот размер, обращаясь к испанской теме (например, в стихотворении «Донна

Клара» и некоторых других). Традиция эта была знакома немецкой поэзии со времен «Сиды» Гердера — блестящего перевода испанских романсов о Сиде, циклизированных в связанное эпическое целое. Сам Гейне в письме к издателю, барону Котта, сравнивал свою поэму с «Сидом».¹⁸ Насколько плодотворной и емкой по своим художественным возможностям оказалась для Гейне эта «испанская» форма, свидетельствует его поздний лирический сборник «Романсеро».

Таким образом, в «Атта Троле» сходятся, как в фокусе, самые разнообразные излучения предшествующего творчества Гейне — общественные и литературные проблемы, волновавшие его в период создания поэмы, — и намечаются тенденции, получившие развитие в последнее десятилетие его жизни. «Атта Троль», впитавший в себя сложную и многоступенчатую литературную традицию, является неповторимо своеобразным порождением поэтического сознания середины XIX в., сознания, усвоившего уроки романтизма и вместе с тем преодолевшего их. Поэма, объявившая войну обнаженной тенденциозности и одновременно проникнутая актуальной тенденцией в высшем и глубочайшем смысле слова, пронизанная взволнованным лиризмом и язвительной насмешкой, сохраняет свое звучание и силу художественного воздействия и для читателя XX столетия.

Н. А. Жирмунская

¹⁸ Heine H. Werke und Briefe in 10 Bd., Bd. 9. Berlin, 1962, S. 96.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Г. ГЕЙНЕ

- 1797, 13 декабря* — В Дюссельдорфе у купца Самсона Гейне и Бетти ван Гельдерн родился сын Гарри.
- 1810—1814* — Годы учения в Дюссельдорфском лицее.
- 1815* — Гейне проходит обучение коммерции в конторе банкира Риндскопфа во Франкфурте-на-Майне.
- 1816* — Продолжение коммерческих занятий в торговой фирме дяди, гамбургского миллионера Соломона Гейне. Несчастливая любовь к его дочери Амалии.
- 1817, февраль* — Первая публикация стихов в журнале «Гамбургский страж» под псевдонимом Фрейдхольд Ризенхарф.
- 1819, осень* — Поступление в Боннский университет на средства Соломона Гейне. Лекции А. В. Шлегеля.
- 1820, октябрь* — Переезд в Гёттингенский университет.
- 1821, январь* — Высылка из Гёттингена в связи с дуэлью.
- Апрель* — Поступление в Берлинский университет. Лекции Гегеля. Знакомство с Фарнгагеном фон Энзе и его женой Рахелью.
- 1822* — Выход сборника стихотворений «Юношеские страдания» (Берлин, изд. Маурер).

- 1823, май — В Берлине, в изд-ве Дюмлер выходят трагедии «Вильям Ратклиф» и «Альманзор» и сборник стихов «Лирическое интермеццо».
- 1824, январь — Возвращение в Гёттингенский университет.
- Сентябрь—
октябрь — Пешеходная экскурсия по Гарцу. Посещение городов Эйслебен, Галле, Иена, Веймар, Эрфурт, Гота, Эйзенах, Кассель.
- 2 октября — Посещение Гёте в Веймаре.
- 1825, 28 июня — Гейне принимает лютеранство.
- 20 июля — Защита в Гёттингенском университете диссертации на степень доктора прав.
- 1826, январь—
февраль — В «Собеседнике» публикуется «Путешествие по Гарцу»
- Май — В Гамбурге, в изд-ве Гофман и Кампе¹ выходит ч. 1 «Путевых картин» («Путешествие по Гарцу», лирические сборники «Возвращение на родину», «Северное море», ч. 1, отдельные стихотворения).
- 1827, апрель — Выход 2-й ч. «Путевых картин» («Северное море», ч. 2, 3, «Идеи. Книга Легран», «Письма из Берлина»). Поездка в Англию.
- Октябрь — Выход «Книги песен» (всего при жизни Гейне вышло 13 изданий). Отъезд в Мюнхен. По дороге, в Касселе, знакомство с братьями Гримм; во Франкфурте-на-Майне — с Людвигом Бёрне, в Штутгарте — с Вольфгангом Менцелем. В Мюнхене Гейне редактирует журнал «Новые всеобщие политические летописи», издаваемый бароном Котта.

¹ В дальнейшем все книги Гейне, кроме специально оговоренных, выходят в этом издательстве.

- 1828 — В «Летописях» и других мюнхенских журналах появляются отдельные главы «Английских фрагментов».
- Июнь—ноябрь — Путешествие в Италию. Возвращение в Гамбург.
- Декабрь — В журнале барона Котта «Утренний листок для образованных сословий» появляется 17 глав «Путешествия из Мюнхена в Геную».
- 1829, январь — Переезд в Берлин.
- Ноябрь — В журнале «Утренний листок...» печатается окончание «Путешествия из Мюнхена в Геную» и начало «Луккских вод».
- 1830 — Выход 3-ей ч. «Путевых картин» («Путешествие из Мюнхена в Геную», «Луккские воды»).
- Июль—август — Во время летнего отдыха на о-ве Гельголанд Гейне узнает об Июльской революции в Париже («солнечные лучи, завернутые в газету» — ср. «Людвиг Бёрне», кн. 2).
- 1831 — Выход Приложения к «Путевым картинам» (впоследствии — ч. 4) — «Город Лукка», «Английские фрагменты».
- 14 мая — Приезд в Париж. Вскоре — знакомство с сенсимонистами.
- Декабрь 1831—
сентябрь 1832 — Корреспонденции для аугсбургской «Всеобщей газеты» (впоследствии выходят отдельной книгой под названием «Французские дела»).
- 1832, 27 мая — Гамбахский праздник — манифестация протеста немецкой молодежи.
- Сентябрь — Под нажимом Меттерниха аугсбургская «Всеобщая газета» прекращает печатать корреспонденции Гейне.

<i>1833</i>	— Выход книги «Французские дела».
<i>Март—июль</i>	— Публикация отдельных глав из «Романтической школы».
<i>Апрель</i>	— Знакомство с Генрихом Лаубе.
<i>Июль</i>	— Встреча с Г. Х. Андерсенем.
<i>1834, октябрь</i>	— Знакомство с Кресченцией Евгенией Ми́ра (Матильдой), будущей женой Гейне.
<i>1835, январь</i>	— Выход книги «Салон», ч. 2 («К истории религии и философии в Германии», цикл стихотворений «Новая весна»).
<i>10 декабря</i>	— Решение немецкого бундестага о запрещении книг писателей «Молодой Германии».
<i>1836, январь</i>	— Выход книги «Романтическая школа». Гейне начинает получать пенсию от французского правительства.
<i>1837, август</i>	— Выход книги «Салон», ч. 3 («Флорентийские ночи», «Духи стихий», «О доносчике. Предисловие к 3-й части „Салона“»).
<i>1839, май</i>	— Встреча в Париже с Генрихом Лаубе.
<i>Конец 1839</i>	— Встреча с Р. Вагнером.
<i>1840</i>	— Новая серия корреспонденций для аугсбургской «Всеобщей газеты» (до 1843 г. В 1854 г. выходят отдельной книгой под названием «Лютеция»).
<i>Июль</i>	— Выход книги «Людвиг Бёрне».
<i>Октябрь</i>	— Выход книги «Салон», ч. 4 («Бахаракский раввин», стихи, «О французской сцене»).
<i>1841, лето</i>	— Пребывание в Котере.
<i>31 августа</i>	— Бракосочетание с Матильдой.
<i>7 сентября</i>	— Дуэль с Соломоном Штраусом.
<i>Поздняя осень</i>	— Начало работы над «Атта Тролем».
<i>1842, лето—осень</i>	— Окончание «Атта Троля».

Приложения

- 1843, январь — — Первая редакция «Атта Троля»
март печатается в «Мире изящного».
- Октябрь—декабрь — Поездка в Германию.
- Декабрь — Знакомство с Карлом Марксом.
- 1844 — «Гимны хвалебные королю Люд-
вигу» печатаются в «Немецко-
французских ежегодниках» К.
Маркса. Приказ прусского пра-
вительства об аресте участников
«Немецко-французских ежегод-
ников». Выход поэмы «Германия.
Зимняя сказка». Публикация ря-
да политических стихотворений
(из цикла «Современные стихо-
творения») в газете «Форвертс».
- 1845 — Резкое ухудшение здоровья.
- 1846, лето—осень — Переработка «Атта Троля».
- Ф. Энгельс навещает Гейне в Па-
риже.
- 1847, январь — Выход отдельного издания «Атта
Троля».
- 1848, март — Гейне, находясь в клинике, пи-
шет четыре корреспонденции о
февральской революции в Па-
риже для аугсбургской «Всеоб-
щей газеты».
- Май — Гейне в последний раз выходит
на улицу и посещает Лувр.
- 1849, осень — Создание цикла «Романсеро».
- 1851 — Выход «Романсеро».
- 1855, май — Предисловие к французскому из-
данию «Лютеции».
- 1856, 17 февраля — Смерть Гейне.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В 1860 г. был напечатан первый у нас поэтический перевод поэмы «Атта Троль», и она вошла в обиход русского чтения. С тех пор появилось еще восемь переводов, последний — в 1948 г. Нетрудно сосчитать, что новый перевод в среднем появлялся каждые одиннадцать лет, то есть каждое поколение русских читателей прочитывало поэму заново.

Первым ее переводчиком был Д. И. Писарев, двадцатилетний, еще только переступающий от филологических штудий к общественно-литературной деятельности. «Атта Троль» — первое его выступление на страницах «Русского слова», с которым будет связана самая яркая пора его критической работы. Противоречивое отношение Писарева к немецкому поэту, позднее выговоренное в статье «Генрих Гейне», тогда еще не вполне определилось. Уже полагая, что книга его о Бёрне, прозаический двойник «Атта Троля», нехороша, Писарев тогда еще защищает поэта от нападок Вс. Костомарова, уверенный, что книга о Бёрне «вовсе не относится к политическому значению поэзии Гейне».¹ Через каких-нибудь семь-восемь лет, перед смертью, он сам выступает за Бёрне против Гейне, оберегая от поэта «новых пуритан», мелкобуржуазных радикалов, как раз и служивших прообразом «Атта Троля».

¹ Писарев Д. И. Соч. в 4-х т., т. 1. М., 1955, с. 353.

Будь взгляды знаменитого критика столь отчетливы смолоду, он, видимо, и не взялся бы за перевод. Однако и молодого Писарева влекла в поэме не столько ее тенденция, сколько сама по себе тенденциозность. Опережая всех последующих переводчиков и истолкователей, Писарев с полным основанием увидел в поэме прямой общественный поступок, это как раз и отвечало его взглядам на назначение поэзии. Конкретный же смысл поступка, запечатленная в нем общественная позиция немецкого поэта с самого начала не были Писареву близки.

Слишком уж в остальном расходились автор и переводчик; автор, влюбленный едва ли не во все искусства — вплоть до балета, не зря и в поэме присутствующего, автор, превыше всех соотечественников почитавший Гёте, и переводчик, отрицавший все искусства, кроме одной лишь литературы, а в ней дошедший до ниспровержения Пушкина. Тенденция к осмеянию тенденциозности, приходящей к радикалистскому абсурду, сохраняла в переводе Писарева скорее боевой дух, нежели содержание. Здесь обозначилась одна из возможных крайностей в истолковании поэмы.

Гейневская защита поэзии как якобы самоцельного, а на самом деле целостного восприятия мира в его многообразии не случайно сближалась и даже срасталась с борьбой за диалектическое постижение мира, против метафизической прямолинейности и уравниательства, которую тем временем начинал Карл Маркс. Писареву, все более служившему подобному уравнительству на русской почве, пафос немецкого поэта остался чужд. Это чуждое Писарев именовал «эстетическим взглядом», точь-в-точь как Бёрне, полагая, что коль скоро искусство полно общественного

и прямо политического смысла, а это сам Гейне первым признавал, то за пределами такого смысла оно, — для Писарева, как и для Бёрне, — остается лишь ненужным украшением, пустой забавой.

Казавшееся Писареву красивым привеском, заслонившим то, чем он у Гейне действительно дорожил, двумя поколениями позже представлялось самой сутью поэта. Александр Блок объявил Гейне «артистом прежде всего» и уверял, что «русский язык еще почти вовсе не знает Гейне». Такое понимание принадлежало отнюдь не исключительно Блоку. Полнее всего оно, пожалуй, проявилось в сборнике, изданном в 1931 г. издательством «Academia». Здесь поэма предстает воистину сновидением летней ночи — причудливым и прекрасным. Ее поэтическая фактура выглядит более стройной и искусной, вот только пленявшие Писарева гейневские сарказмы нейтрализуются. Тут схвачены иные, тоже присущие оригиналу черты, но и они обособлены от упущенных, обозначая другую крайность.

Последующие переводы располагались меж обозначенными крайностями, стремясь ни в ту, ни в другую не впадать. На этом пути были несомненные успехи. И все же введение «Атта Троля» в русскую поэзию нельзя считать исчерпанным.

Главная особенность поэмы — постоянное сопряжение и органическая связь, казалось бы, несовместимых крайностей. Ученик Гегеля и друг Маркса, Гейне понимал, что преодоление противоречия не состоит в упразднении одной из его сторон, и обнажение противоречия тоже не сводится к обличению лишь одной из них. Он помнил о единстве противоположностей, и таким единством обладают у него, разорванные оппонентами с обеих сторон, откровенная по-

литическая тенденция и чистая поэзия. Одновременно Маркс писал о том же: «Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на *средство*. Она — *самоцель*. . .».¹

Есть нужда в переводе, где крайности гейневской поэтической системы соединит, насколько это возможно на другом языке, заострение и обнажение обеих. Разом ощущая и общественное значение «чистой» поэзии, и художественную значимость политической тенденции, русский читатель гейневской поэмы сумел бы ближе подойти к ее истинному смыслу.

Эта именно цель и вызвала к жизни перевод, публикуемый здесь.

П. Карп

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 76.

ПРИМЕЧАНИЯ

При подготовке книги было использовано издание сочинений Гейне: Heinrich Heines Sämtliche Werke, hrsg. v. E. Elster. Bd. 1—7. Leipzig, 1887—1890. Библиографию русских переводов см.: Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. Сост. А. Левинтов. М., 1958, с. 491—494.

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹... *поздней осенью 1841 года*... — Фактически первые упоминания о поэме в письмах Гейне относятся к октябрю 1842 г. Возможно, что хронологический сдвиг в предисловии продиктован желанием Гейне связать возникновение «Атта Троля» с нападками на его книгу «Людвиг Бёрне», появившуюся в 1840 г.

² «*Мир изящного*» (Zeitung für die elegante Welt) — литературный журнал, вокруг которого группировалось либеральное крыло немецких писателей. В 1835 г. был запрещен, в 1842 г. начал выходить снова. Тогда же его редактором стал Генрих Лаубе (1806—1884), писатель, принадлежавший к группе «Молодая Германия». «Атта Троль» печатался в журнале с января по март 1843 г., в № 1—10. Отдельное издание, подвергшееся значительной редакционной переработке, вышло в январе 1847 г. в Гамбурге в издательстве Гофман и Кампе.

³... *подобно Кёльнскому собору, божеству Шеллинга, прусской конституции*... — Кёльнский собор, начатый в 1248 г., строился несколько веков. Строительство прервалось в эпоху Реформации. В 1842 г.

по инициативе прусского короля Фридриха-Вильгельма IV был создан «Соборный союз» для завершения строительства. Гейне иронически упоминает об этом в поэме «Германия. Зимняя сказка» (гл. 4). Собор был закончен в 1880 г. Фридрих Иозеф Вильгельм Шеллинг (1775—1854) — философ-идеалист, в молодости близко связанный с немецкой романтической школой. Взгляды Шеллинга на протяжении его жизни заметно эволюционировали, и ему так и не удалось создать стройную философскую систему. Прусская конституция была обещана королем Фридрихом-Вильгельмом III (правил с 1797 по 1840 г.) в 1815 г., в период освободительных войн против Наполеона и связанного с ними национального подъема, но не была дарована ни им, ни его преемником.

⁴ ... великий мятеж... — Книга Гейне «Людвиг Бёрне» вызвала взрыв возмущения в кругах либеральных немецких писателей (подробнее см статью).

⁵ ... ни лимоны, ни апельсины... да и лаврам... — Иронически перефразированная цитата из «Песни Миньоны» Гёте («Ты знаешь край...»). Об использовании цитат у Гейне подробнее см. статью.

⁶ ... почти отбили у меня охоту... — После двенадцатилетнего изгнания Гейне в первый (и последний) раз посетил Германию осенью 1843 г. Эта поездка получила отражение в поэме «Германия. Зимняя сказка».

⁷ ... отца нашего Рейна... Шлезвиг-Гольштейнии. — Намек на две национально-патриотические песни: Никласа Бекера «Нет, не будет он вашим, наш Рейн» (1840) и Матеуса Фридриха Хемница «Шлезвиг, морем окруженный, душ немецких верный страж» (1844). Первую Гейне иронически обыгрывает в гл. 5 «Германии».

⁸ Руге Арнольд (1803—1880) — левый гегельянец, в 1844 г. предпринял вместе с Марксом издание «Немецко-французских ежегодников» (вышел один том). В 1838 г. опубликовал критическую статью о Гейне, которую затем включил в собрание своих сочинений, вышедшее незадолго до Предисловия к «Атта Тролю». Узнав об этом, Гейне просил издателя снять уже в корректуре Предисловия имя Руге, сохранив только

кавычки: «Я слышал, что Руге опять переметнулся и выступил против меня, потому и не хочу упоминать его». К. Маркс в памфлете «Великие мужи эмиграции» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 290 и сл.) дает крайне иронический портрет Руге и называет его прототипом Атта Троля.

⁹ *В отечественной дубраве бардов...* — Со времен поэта Фридриха Готлиба Клопштока (1724—1803) роща стала символом немецкого ландшафта и национального «германского» поэтического гения в противовес классическому античному (см. его оду «Холм и роща»). Последователи Клопштока, поэты геттингенского кружка (1770-е годы) называли себя «Союзом рощи». Тогда же было введено в обращение древнекельтское слово «бард» — певец. Гейне высмеивает здесь националистическую фразеологию современных ему немецких поэтов.

¹⁰ *Джексон* Эндрю (1767—1845) — американский генерал, в 1829—1837 гг. президент Соединенных Штатов.

¹¹ *... не было еще флота...* — Создание немецкого военного флота было в начале 1840-х годов злободневной политической темой, дебатировавшейся в официальной прессе. Ср. стихотворение Гейне «Наш флот» (1844).

¹² *... противоположность таланта и характера.* — Восходит первоначально к словам Гёте в драме «Торквато Тассо» (д. 1, явл. 2):

Таланты образуются в покое,
Характеры — среди житейских бурь.

(*Пер. С. Соловьева*).

Либерально настроенные писатели 1830-х годов во главе с Л. Бёрне осмыслили их как программную формулу «тенденциозной» поэзии в противовес поэзии «чистой». Так, Бёрне, признавая за Гейне поэтический талант, резко критиковал его за отсутствие гражданственности. Сам Гейне в книге «Людвиг Бёрне» упоминает и другие высказывания Бёрне в том же духе. Антитеза «талант—характер» пародийно обыгрывается в ряде мест поэмы.

¹³ ...честные люди... плохие музыканты... — Эта формула впервые употреблена в романтической комедии Клеменса Брентано «Понсе де Леон» (1804), д. 5, явл. 2. Неоднократно встречается у Э. Т. А. Гофмана.

¹⁴ ...гордившегося тем, что он не умеет писать... — Намек до конца не ясен, однако бросается в глаза совпадение со словами приятельницы Гейне Рахель Фарнгаген, которые он приводит в «Людвиге Бёрне» (кн. 1): «Бёрне не умеет писать, точно так же как я или Жан-Поль». Во французском тексте Предисловия, напечатанном в журнале «Revue de deux mondes» (15 III 1847), это место звучит так: «...за его свинцовый стиль соотечественники из Гамбурга и Франкфурта поднесли ему серебряный кубок» (Бёрне был родом из Франкфурта-на-Майне). Ср. оценку, данную Энгельсом писателям либерального направления: «Среди них, особенно у литераторов более мелкого калибра, все больше и больше входило в привычку восполнять в своих произведениях недостаток дарования политическими намеками, способными привлечь внимание публики. Стихи, романы, рецензии, драмы — словом, все виды литературного творчества были полны тем, что называлось „тенденцией“, т. е. более или менее робкими выражениями антиправительственного духа <...> Впоследствии они раскаялись в грехах своей молодости, но нисколько не усовершенствовались своего литературного стиля» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 16).

¹⁵ ...напоследок избил учителя. — Имеется в виду книга Гейне «Романтическая школа», в которой он подверг резкой критике немецких писателей романтического направления, в частности одного из теоретических вождей немецкого романтизма Августа Вильгельма Шлегеля (1767—1845), чьи лекции он слушал в молодости в Боннском университете. Во французском издании «Атта Троля» прямо назван «этот бедняга Шлегель».

¹⁶ Но ты лжешь, Брут, и ты лжешь, Кассий, и ты, Азиний, тоже лжешь... — Марк Юний Брут (85—42 гг. до н. э.) и Лонгин Гай Кассий (ум. 42 г. до н. э.) — римские республиканцы, в 43 г. до н. э.

возглавили заговор против Юлия Цезаря, закончившийся убийством последнего. Их имена стали нарицательными для обозначения стойких и самоотверженных тираноборцев. Гейне нередко иронически употребляет их не только в этом общем смысле, но и приурочивает к конкретным лицам — Георгу Гервегу, Фр. Дингельштедту и др. Азиний Гай Галл — римский оратор, консул в 8 г. до н. э. Имеется в виду эпиграмма Азиния Галла на Марка Помпония Марцелла, в прошлом кулачного бойца, ставшего впоследствии строгим блюстителем чистоты латинского языка:

«Голову влево!» учил, а теперь языку обучает!

Эта эпиграмма ассоциируется с выпадами Бёрне против Гейне, якобы изменившего борьбе за свободу ради чистой поэзии.

¹⁷ *Фрейлиграт* Фердинанд (1810—1876) — немецкий поэт. В первом сборнике стихов (1838), куда входит «Мавританский князь», отдал дань увлечению экзотическими сюжетами. Позднее характер поэзии Фрейлиграта изменился. Во время революции 1848 г. он был одним из виднейших немецких политических поэтов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

⁶ *Котере* — французский курорт в Пиренеях, где Гейне отдыхал летом 1841 г.

²⁴ *Grand-Chaumière* — увеселительное заведение в Париже.

⁴⁴ *Дон Карлос* (1788—1855) — младший брат испанского короля Фердинанда VIII. После его смерти претендовал на испанский престол. При поддержке клерикальных сил начал в 1833 г. гражданскую войну против вдовствующей королевы-регентши Марии-Кристины. После поражения в 1839 г. бежал во Францию. Под знаменами дона Карлоса воевали самые реакционные элементы, а также политические авантюристы из других европейских стран.

⁴⁹ *Нагьянский* (в подлиннике значащее имя Schnarphanski — от Schnarphahn — разбойник с боль-

шой дороги). — Имеется в виду немецкий князь Феликс Лихновский, служивший под знаменами донна Карлоса и опубликовавший после поражения свои мемуары. Во время революции 1848 г. был убит во Франкфурте-на-Майне. Под этим же условным именем фигурирует неоднократно в работах К. Маркса и Ф. Энгельса и выступает в качестве главного персонажа сатирического романа Георга Веерта «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского» (1848—1849).

⁷⁴ *Жюльетта* — этим именем друзья Гейне называли его жену Матильду.

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹²⁷⁻¹²⁸ *Королевою Кристиной, Доньей Муньос...* — Мария-Кристина вышла в 1838 г. замуж за сержанта лейб-гвардии Фернандо Муньоса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹⁴¹ *Сновиденье летней ночи...* — Подзаголовок поэмы «Сон в летнюю ночь» соотносит ее с одноименной комедией Шекспира, пронизанной фантастическим элементом и одновременно включающей сниженно-сатирические и пародийные сцены.

¹⁴⁹⁻¹⁵¹ *...не ломовая лошадь... Не скажун партийных стычек...* — Ср. аналогичный метафорически выраженный выпад против мещанской и политически-тенденциозной поэзии в Предисловии.

¹⁷² *Речь его вполне понятна.* — Фольклорный мотив волшебного напитка, делающего понятным речь животных, часто встречается в немецкой романтической литературе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

¹⁷⁷ *Ронсеваль* — ущелье на севере Испании, где в 778 г. погиб отряд франкских рыцарей, возглавляемый племянником Карла Великого Роландом. Это со-

бытие легло в основу французского национального героического эпоса «Песнь о Роланде». Гейне посетил Ронсеваль 7 июля 1841 г.

¹⁸⁰ ... голубой цветок. — Символ романтической мечты в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802). В дальнейшем был переосмыслен как символ романтизма.

¹⁸⁸ В рог трубит Роланд бесстрашный. — В «Песни о Роланде» герой сначала отказывается внять совету своего друга Оливье и звуками рога позвать на помощь войско Карла Великого. Он трубит в рог, только когда вся его рать полегла и сам он изнемогает от ран.

¹⁹⁴ Дюрандаль — богатырский меч Роланда.

²²⁰ Масман Ганс Фердинанд (1797—1874) — профессор германской филологии, основатель и пропагандист гимнастических обществ, которые должны были, по его мысли, возродить у современной молодежи воинскую отвагу и физическую силу древних германцев. Крайний националист по своим убеждениям, Масман был противником классического образования. Неоднократно фигурирует в сатирических стихах Гейне и в поэме «Германия».

²²⁵ Сильный, стойкий, смирный, смелый — девиз немецких гимнастических обществ (см. выше).

²⁴¹ Лаэртид — Одиссей, сын Лаэрта.

²⁴⁴ Пенелопа — верная жена Одиссея, двадцать лет ждавшая его возвращения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

³³⁵⁻³³⁶ Я не аиста заслуга Появление клистира? — Образ, по-видимому, навеянный иллюстрацией Гранвида в книге «Сцены из частной и общественной жизни животных».

³⁴³⁻³⁴⁴ Кто воспел бы льва искусней, Чем земляк его, верблюду? — Намек на Фрейлиграта. См. его ранние стихотворения «Царь пустыни», «Скачка льва», «Пробудивший пустыню», «К Африке» и др.

³⁴⁶ Раумер Фридрих фон (1781—1873) — немецкий историк умеренно либерального направления. В пре-

дислови к «Французским делам» (1832) Гейне называет его «прусским королевским революционером» и сравнивает с «селедкой, завернутой в макулатуру».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

⁴⁸¹ *Царь Давид пускался в пляс...* — Пародийное использование стиха из Библии. Ср. II кн. Царств, гл. 6, ст. 14.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

⁵²² *Туйскион* — древнегерманский бог, рожденный землей. Его сын Манн, как указывает Тацит («Германия»), считался легендарным прародителем германцев.

⁵²³ *Бауэр* Бруно (1809—1882) — немецкий философ, левый гегельянец, в своих работах подверг критике Евангелие и апостольские послания. *Фейербах* Людвиг (1804—1872) — немецкий философ, виднейший представитель домарксовского материализма. В своем главном труде «Сущность христианства» (1841) дает антропологическое толкование возникновения религии.

⁵⁶⁰ *С пальмой мученика в лапах.* — Намек на леворадикальное движение. В «Людвиге Бёрне» Гейне прямо пишет о свойственной республиканцам жажде мученичества.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

⁵⁸⁹ *Я — медведь, да, я — медведь...* — Пародия на монолог Яромира из драмы австрийского поэта Ф. Грильпарцера (1791—1872) «Праматерь» (д. 3).

⁵⁹¹ *Изегрим* — в средневековом зверином эпосе имя волка.

⁶⁰⁸ *Мендельсон* Моисей (1729—1786) — немецкий философ эпохи Просвещения, близкий друг Лессинга, послуживший прототипом главного героя в драме «Натан Мудрый» (1779). Семья Мендельсона занимала видное место в культурной жизни Германии начала XIX в. Его дочь Доротея, ставшая женой вождя

романтической школы Фридриха Шлегеля, написала роман «Флорентин». Ее сын от первого брака Филипп Фейт был художником. Другой внук Мендельсона — знаменитый композитор Феликс Мендельсон-Бартольди (1809—1847). Заключительные строки монолога Атта Троля — намек на то, что Феликс Мендельсон стыдился своего еврейского происхождения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

⁶¹⁸ *Друиды* — кельтские жрецы.

⁶⁴¹⁻⁶⁴² *Собственность! Права владенья! Это кража!* — Пародийная цитата из сочинения французского мелкобуржуазного социалиста Пьера Жозефа Прудона (1809—1865) «Что такое собственность?» (1840). Взгляды Прудона подвергнуты критике в работе К. Маркса «Нищета философии» (1847).

⁶⁷⁰ *Ганнибал* (247—183 гг. до н. э.) — карфагенский полководец. По требованию своего отца Гамилькара Ганнибал уже в девять лет дал клятву не отступать от вражды с Римом. Выражение «клятва Ганнибала» стало крылатым.

⁶⁷⁵⁻⁶⁷⁶ *Его позднее Будет славить наша лира.* — Гейне пародирует здесь жанровую особенность высокого героического эпоса — продолжение повествования о потомках героя в примыкающей по сюжету поэме (так называемая генеалогическая циклизация).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

⁷⁴⁴ *ollea-potrida* — испанское блюдо из мяса и овощей.

⁷⁴⁵ *garbanzos* — испанское блюдо из гороха, еда бедняков.

⁷⁶⁴ *Такова дуэль с клопом!* — Одним из эпизодов «неистового мятежа», вызванного книгой «Людвиг Бёрне», была дуэль Гейне с Соломоном Штраусом, мужем Жанетты Воль, многолетней подруги Бёрне. В своей книге Гейне позволил себе ряд оскорбительных выпадов личного порядка по поводу «жизни втроем» Бёрне и супругов Штраус. В июне 1841 г.,

когда Гейне отдыхал и лечился в Котере, в майнцской газете появилось сообщение, что он якобы бежал из Парижа, чтобы уклониться от дуэли с Штраусом, нанесшим ему публичное оскорбление. Гейне напечатал опровержение в аугсбургской газете; несколькими неделями позже дуэль все же состоялась. Гейне был легко ранен.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

⁷⁸⁴ ...покойный сын колдуньи. — Оживляемый на время колдовскими чарами мертвец — мотив, встречающийся в «рассказах о привидениях», — жанре, получившем широкое распространение у немецких романтиков и их эпигонов.

⁷⁹⁸ *Lac de Gobe* (правильно — Gaube) — озеро в окрестностях Котере.

⁸²⁸ *Мумме* — темное брауншвейгское пиво, названное в честь пивовара Христиана Мумме (XV в.), впервые изготовившего его.

⁸⁶⁴ *И начнется власть пигмеев.* — Тема власти карликов, символизирующая измельчание человеческого рода и растущую силу золота, поставлена в комической поэме друга Гейне К. Иммермана «Тулифентхен» (1829).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

⁸⁹⁶⁻⁸⁹⁹ *Плутон* — в античной мифологии владыка царства мертвых; *Прозерпина* — его жена; *Харон* — перевозчик через реку Стикс, отделяющую царство мертвых от земного мира.

⁹¹⁹⁻⁹²⁰ ...целую, — Следовательно, живу. — Иронически перефразированное изречение французского философа-рационалиста Рене Декарта: «Мыслью, следовательно, существую».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

⁹⁷² «*Жирофлино, Жирофлетто!*» — буквально: гвоздика (франц.), популярный припев шуточной песни

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

¹⁰²¹ *Каготы* — старинное племя, остатки которого уцелели на юге Франции и на севере Испании. Окрестные жители считали их «нечистыми». В Беарне (юго-западная Франция) это слово означает «прокаженный».

¹⁰²⁰ *Баньерский собор* — Баньер — французский курорт в Верхних Пиренеях.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

¹¹⁸⁰ *В ночь Иванову...* — Согласно широко распространенным народным поверьям, в Иванову ночь (24 июня) происходят всевозможные чудеса.

¹²¹⁰ *Нимрод Ассирийский* — по Библии, ассирово-вавилонский царь, основатель города Ниневии, «сильный зверолов пред Господом» (Бытие, гл. 10, ст. 8—10).

¹²²⁰ *Карл Десятый* (1757—1836) — последний французский король из династии Бурбонов, свергнутый с престола и изгнанный из Франции в результате Июльской революции 1830 г.

¹²²⁸ *Король Артур* — легендарный король бриттов, центральная фигура средневековых рыцарских романов «кельтского цикла».

¹²²⁹ *Ожье Датчанин* — герой старофранцузского героического эпоса, сподвижник Карла Великого.

¹²³⁵ ... наш *Вольфганг* — Гёте.

¹²³⁷ *Генгстенберг* Эрнст Вильгельм (1802—1869) — профессор теологии в Берлине; выступил с ханжеской критикой Гёте, которого обвинял в язычестве и безнравственности.

¹²⁴² *Вильям* — Шекспир.

^{1243—1244} *Пуританами он также Проклят был...* — Пуритане были врагами театра.

¹²⁵² *Горн Франц* (1781—1837) — второстепенный поэт, историк литературы, автор пятитомного комментария к произведениям Шекспира (1823—1831).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

¹³²² *Не Диана ль Актеона...* — Богиня-девственница Диана превратила юношу Актеона, подсмотревшего ее купанье, в оленя и затравила его собаками.

¹³⁴² *Абунда* — добрая фея старинных кельтских сказаний, дарящая людям изобилие.

¹³⁴⁶ *Грёз Жан-Батист (1725—1805)* — французский художник, писал жанровые сценки и женские портреты, выдержанные в нежных и несколько слащавых тонах.

^{1383—1384} *По ее лишь настоянью Обезглавлен был Креститель.* — Опираясь на «Немецкие сказания» братьев Гримм, Гейне переносит на Иродиаду евангельское предание о казни Иоанна Крестителя. Согласно Библии, голову Крестителя потребовала дочь Иродиады Саломея в награду за свою пляску. Этот сюжет был в дальнейшем многократно использован в литературе и искусстве («Иродиада» Флобера, «Саломея» О. Уайльда и одноименная опера Р. Штрауса).

¹⁴⁰⁷ *Плеоназм* — термин античной стилистики, сочетание одинаковых по значению слов или выражений.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

¹⁴⁷³ *Романья* — область в северной Италии.

¹⁴⁸² *Назаряне* — христиане, в специфическом словоупотреблении Гейне (в особенности в книге «Людовиг Бёрне») — сторонники спиритуалистического и аскетического мировосприятия в противовес чувственным, жизнерадостным эллинам.

¹⁴⁸³ *Авалун* — в кельтских сказаниях — сказочный остров, блаженная страна, обиталище фей.

¹⁵⁰⁸ *Ерушалаим (древнеевр.)* — Иерусалим.

¹⁵³⁹ *И могу ль живым я зваться...* — В момент написания поэмы Гейне уже чувствовал симптомы тяжелой болезни, через несколько лет приковавшей его к «матрачной могиле».

¹⁵⁵³ *Буду днем сидеть рыдая...* — Реминисценция

136-го псалма: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали...».

¹⁵⁵⁰ ... что храм разрушен... — храм царя Соломона в Иерусалиме.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

¹⁵⁶¹ *Аргонавты* — герои греческого мифа, отплывшие на корабле Арго в Колхиду за золотым руном. Главный герой этого мифа — Ясон.

¹⁵⁷⁸ *Тридцать шесть отдать монархов...* — Ироническая перифраза цитаты из «Ричарда III» Шекспира: «Коня! Коня! Венец мой за коня!» (д. 5, явл. 4). Тридцать шесть немецких князей — мотив, постоянно встречающийся в сатирической поэзии Гейне.

¹⁵⁹¹ *Эспадрильи* — разновидность сандалий.

¹⁶⁶³ ... из «*Роберта*». — «Роберт Дьявол» опера Дж. Мейербера (1791—1864).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

¹⁷⁰¹ *Мчался в солнечной пролетке...* — Древние изображали бога солнца Феба на золотой колеснице. Гейне пародийно снижает эту традиционную метафору.

¹⁷²⁹ ... *позту-швабу...* — Швабская школа поэтов — постоянная мишень насмешек Гейне (подробнее см. статью).

¹⁷⁴² *Карл Майер* (1776—1870) — поэт швабской школы, высмеянный также в «Германии» (гл. 3).

¹⁷⁴³⁻¹⁷⁴⁴ *Нашим сладким лакфиолем, С благостным колбасным супом!* — Эти две строки — почти дословная автоцитата из статьи «Швабское зеркало».

¹⁷⁴⁶ *Повидать бы хоть разочек...* — Пародийно перефразированная цитата из «Одиссеи»: «... желая видеть хоть дым от родных берегов, вдалеке восходящий» (кн. 1, ст. 57; пер. В. А. Жуковского).

¹⁷⁴⁷ *Штуккерт* — Штутгарт, столица Вюртембергского герцогства (Швабии). Гейне высмеивает шваб-

ское диалектное произношение этого названия. Ср.: «Германия», гл. 3.

¹⁷⁶² *Келле* Кристоф Фридрих фон (1781—1848) — вюртембергский поэт, дипломат и публицист.

¹⁷⁷⁸ *Юстинус Кернер* (1786—1862) — поэт швабской школы. В 1829 г. выпустил книгу «Ясновидящая из Префорста», где доказывал возможность поддерживать связь с миром духов.

^{1802—1803} ... в *благодравном Рубище религиозном*... — Перефразированная цитата из письма Гёте к его другу Цельтеру от 5 октября 1831 г. по поводу поэтов швабской школы вообще, и в частности Густава Пфифера.

¹⁸⁰⁷ *Омела* — фигурирует в поверьях многих народов как растение, наделенное магической силой.

¹⁸³³ *Только деве непорочной*... — Мотив спасенья страдающего героя (очарованного или пораженного неизлечимым недугом) непорочной девушкой фигурирует в средневековых романах (например, в романе Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих») и отсюда широко проник в романтическую поэзию.

¹⁸³⁹ *Пфифер* Густав (1807—1890) — поэт швабской школы. В начале 1840-х годов редактировал поэтический отдел в «Утренней газете», для которой Гейне первоначально предназначал свою поэму.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

¹⁸⁸⁶ *Эспартеро* Бальдомеро (1793—1879) — испанский генерал и политический деятель, разгромивший отряды дона Карлоса.

¹⁸⁸⁶ *Пампелуна* — Памплона, город на севере Испании.

¹⁸⁰⁹ *Одоардо* — герой трагедии Лессинга «Эмилия Галотти» (1772), убивает свою дочь Эмилию, чтобы она не стала наложницей принца Гонзага.

¹⁸¹⁹ *Не погубит розу прежде*... — Цитата из «Эмилии Галотти» (д. 5, явл. 7).

^{1934—1936} *Но меж небом и землею Вещи есть*... — Цитата из «Гамлета» Шекспира (д. 1, явл. 5).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

¹⁹⁸⁴ *Ганелон из Майнца* — отчим Роланда; согласно эпической традиции, вероломно послал его на верную смерть.

²⁰¹³ *Валгалла* — пантеон великих немцев, воздвигнутый королем Людвигом I Баварским (правил 1825—1848) близ Регенсбурга. В нем было установлено 163 бюста немецких национальных героев. Название заимствовано из древнегерманской мифологии (Валгалла — обиталище верховного бога Вотана, куда возносились души павших в бою воинов). Об этом сооружении и о подборе героев Гейне говорит в сатирическом стихотворении «Гимны хвалебные королю Людовику» (1843).

²⁰¹⁵ *Виттельсбахи* — баварская королевская династия.

²⁰¹⁶ *Надпись будет лапидарна...* — Имеются в виду стихотворные подписи к бюстам, сочиненные королем Людвигом. Они составили особую книгу «Валгаллское братство» (1842).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

²⁰²⁰ *Дебора* — библейская пророчица, прославлявшая песней и пляской победы иудейского народа; ср. кн. Судей, гл. 5.

²⁰⁴⁰ *Луи-Филипп* (1773—1850) — французский король с 1830 по 1848 г.

²⁰⁶⁰ *Лафайет* Мари-Жозеф-Мотье (1757—1834) — французский генерал, принимал участие в войне за независимость американских колоний; в первый период Великой французской революции возглавил Национальную гвардию. Во время Июльской революции 1830 г. поддержал Луи-Филиппа.

²⁰⁹⁵⁻²⁰⁹⁶ *В песне здравствующий вечно...* — Почти точная цитата из стихотворения Шиллера «Боги Греции» (1788): «Что бессмертно в мире песнопений, В смертном мире не живет» (пер. М. Л. Лозинского).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

²⁰⁹⁸ *Женщина. Ей имя — хрупкость.* — Цитата из «Гамлета» Шекспира (д. 1, явл. 2).

²¹¹¹ *Jardin des Plantes* — зоологический (и ботанический) сад в Париже.

²¹⁶⁷⁻²¹⁶⁸ *...увешан черепами, Страшен был и львам, и змеям.* — Цитата из «Мавританского князя» Фрейлиграта.

²¹⁷⁹⁻²¹⁸⁰ *«...как черный месяц Из-за белых облаков».* — Слегка измененная цитата из «Мавританского князя», использованная в эпиграфе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Август Фаргаген фон Энзе (1785—1858) — немецкий писатель и дипломат, друг Гейне.

²¹⁸¹ *Лодовико* — Ариосто (1474—1533), итальянский поэт эпохи Ренессанса. Его поэма «Неистовый Роланд», посвященная кардиналу Ипполиту д'Эсте, у которого Ариосто состоял на службе, представляет шутовское переосмысление героического французского эпоса о Роланде.

²¹⁹⁹⁻²²⁰⁰ *Шамиссо* Адальберт (1781—1838) и де ла Мотт *Фуке* Фридрих (1777—1843) — поэты-романтики, принадлежавшие к так называемой берлинской школе. *Брентано* Клеменс (1778—1842) — поэт, крупнейший представитель гейдельбергского романтизма. В 1804—1806 гг. Фарнгаген издавал вместе с Шамиссо «Зеленый альманах муз», в котором печатались Брентано и Фуке.

²²⁰¹ *Не часовенки ль забытой...* — Элемент романтического пейзажа, часто встречающийся в романтической лирике и воспроизведенный Гейне в его стихотворении «Разговор в Падерборнской степи» (1821), иронически сталкивающим романтическое и трезво-практическое восприятие мира.

²²³³⁻²²³⁴ *Голубки Нынче жаждут ненавидеть...* — Намек (почти дословная цитата) на программную «Песнь о ненависти» Георга Гервега (1841).

²²³⁶ *Беллона* — богиня войны у древних римлян.

ВАРИАНТЫ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сновиденье летней ночи! — В дальнейшем вошло в измененной редакции в окончательный текст как начало третьей главы.

Второй и остальные рукописные варианты, кроме варианта к гл. 17, опубликованы в посмертном издании: *Letzte Gedichte und Gedanken von Heinrich Heine*. Aus dem Nachlasse des Dichters zum erstenmal veröffentlicht. Hrsg. von A. Strodtmann. Hamburg, 1869.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

... *каменам...* — музам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

... *не ты придумал...* — Иронический намек на вычурные сравнения в стихах Фрейлиграта.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рукописный вариант впервые опубликован в журн.: *Westdeutsche Wochenschrift*, 30 VII 1920, 2. Jg., Н. 31. Ср.: *Heine H. Werke und Briefe in 10 Bd.*, Bd. 10. Berlin, 1964, S. 174.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Строфы девятнадцатой главы журнальной редакции, возможно, навеяны иллюстрациями Гранвиля к книге «Сцены из частной и общественной жизни животных», в которых птицы занимают преобладающее место. Согласно Штротману, три последних строфы вычеркнуты в рукописи.

Мендисабаль Хуан Альварес (1790—1853) — видный испанский политический и государственный деятель прогрессивного направления, участник восстания Риго (1820). Став в 1835 г. премьер-министром, предпринял ряд либеральных реформ, в том числе упразднение монастырей и распродажу церковных зе-

мель. Под давлением правых сил вынужден был в мае 1836 г. уйти в отставку. В 1843 г. эмигрировал.

На Монашо Monachorum... — буквально «к монаху монахов» (лат.). По-видимому, имеется в виду Мюнхен (название которого восходит к средневерхне-немецкому слову *münich* — «монах»).

Патер Иозеф — по-видимому, Иозеф Гёррес (1776—1848), публицист и историк, примыкавший к гейдельбергскому кружку романтиков. С 1827 г. профессор в Мюнхенском университете. В «Романтической школе» (кн. 2) Гейне дает уничтожающую критику реакционно-националистических и феодально-католических воззрений Гёрреса, представлявшего собою «главную опору католической пропаганды в Мюнхене», и называет его «гнией в тонзуре».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Строфы после ст. 1864 имелись в журнальной редакции, впоследствии вычеркнуты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Три строфы рукописной редакции были в дальнейшем вычеркнуты.

Франц (Ференц) *Лист* (1811—1886) — венгерский композитор и пианист был тесно связан с французскими писателями романтического направления. Гейне встречался с Листом в литературных и артистических кругах в Париже. В 1842 г. Лист дал концерт, сбор от которого пожертвовал на восстановление Кёльнского собора. Гейне иронически упоминает об этом в поэме «Германия» (гл. 4).

Фанни Эльслер (1810—1884) — знаменитая австрийская балерина. Соседство танцующего медведя с Фанни Эльслер подсказано, видимо, также иллюстрацией Графвляля, имеющей подпись: «Способ сравниться с Фанни Эльслер».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

«Входят галлы! Охраняйте Капитолий!». — Намек на националистические антифранцузские настроения, получившие, в частности, отражение в песне Н. Бекера (см. примеч. 7). В популярном историческом анекдоте рассказывается о том, как разбуженные появлением галлов гуси своим криком предупредили римлян об опасности и тем спасли Капитолий.

Будто Тик в параличе... — Людвиг Тик (1773—1853) — немецкий романтик старшего поколения. В «Романтической школе» Гейне дает довольно проническую характеристику его творчеству. В 1842 г. Тик принял пенсию от прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, что послужило поводом для ряда сатирических выпадов Гейне.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

Генрих Гейне. Портрет работы Ф. С. Дица. 1842 г. — с. 4.

«Мы жили в тесном семейном кругу» — с. 64.

«Все волки — братья!» — с. 65.

«При виде этого инструмента, которым врач помахивал не без удовольствия, его милость покраснел» — с. 96.

«Способ сравняться с Фанни Эльслер» — с. 97.

Суперобложка и рисунки в тексте — иллюстрации Гранвиля из книги «Сцены из частной и общественной жизни животных» («Scènes de la vie privée et publique des animaux»). Т. 1—2. Paris, 1842).

СОДЕРЖАНИЕ

АТТА ТРОЛЬ. СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ (перевод <i>П. М. Карна</i>)	5
Варианты (перевод <i>П. М. Карна</i>)	95

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Н. А. Жирмунская</i> . Поэма Генриха Гейне «Атта Троль»	111
Основные даты жизни и творчества Г. Гейне (сост. <i>Н. А. Жирмунская</i>)	132
От переводчика (<i>П. М. Карн</i>)	137
Примечания (сост. <i>Н. А. Жирмунская</i>)	141
Список иллюстраций	159

Генрих Гейне

АТТА ТРОЛЬ. СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

*Утверждено к печати Редакцией серии
«Литературные памятники» АН СССР*

Редактор издательства *Е. А. Смирнова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректор *А. И. Буркова*

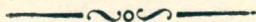
ИБ № 8020

Сдано в набор 29.03.77. Подписано к печати 14.12.77. Формат
70×90^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Печ. л. 5 + 3 вкл. (3^{1/10} печ. л.) = 6.06 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 6.77. Тираж 50000. Изд. № 6516.
Тип. зак. № 256. Цена 85 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

АТТА
ТРОЛЬ

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

*Теме фрейгусену
на дочку маме
о разбит вайсбах
и червотини*

Издание подготовили

Н. А. ЖИРМУНСКАЯ и П. М. КАРП

1.12.89.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Ленинградское отделение

Ленинград 1978

85 коп.

